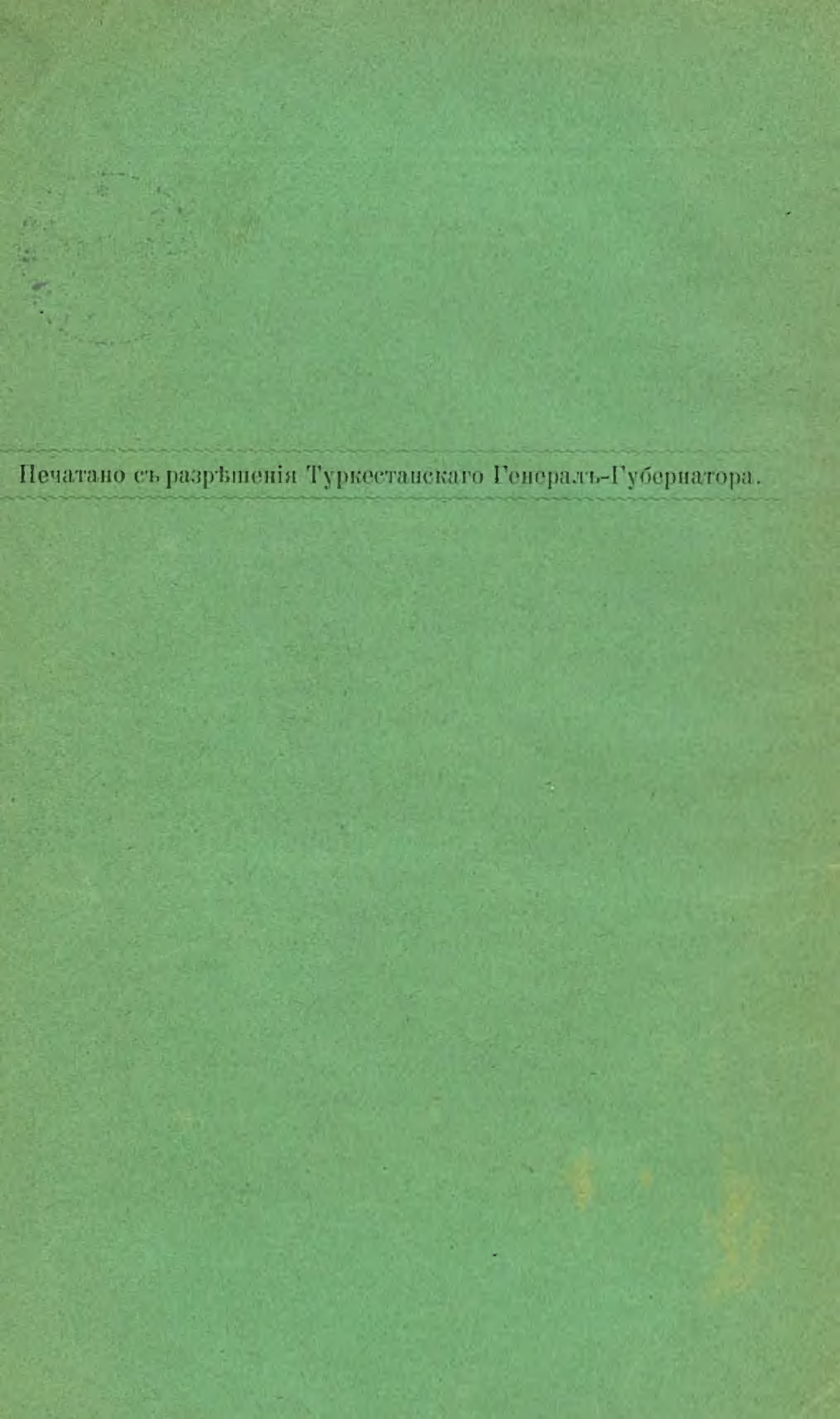

Ю. ЮЖАКОВЪ.

О ЗЕМСКИХЪ НАЧАЛЬНИКАХЪ ВЪ ТУРКЕСТАНѢ.

ТАШКЕНТЪ.
Типо-Литографія С. И. Пѣтухова.
1894.

Печатано съ разрѣшенія Туркестанскаго Генералъ-Губернатора.

О ЗЕМСКИХЪ НАЧАЛЬНИКАХЪ ВЪ ТУРКЕСТАНѢ.

Въ № 26 *Туркестанскихъ Вѣдомостей* возбужденъ вопросъ о примѣненіи въ Туркестанскомъ краѣ Положенія о земскихъ начальникахъ. Авторъ статьи г. Z, указывая на необыкновенно быстрый всесторонній ростъ Туркестанскаго края, говоритъ, что послѣднему уже тѣсно въ рамкахъ, созданныхъ для него дѣйствующимъ нынѣ Положеніемъ 12-го іюня 1886 г., что на каждомъ шагу чувствуются не только недомолвки въ законѣ, но и положительное разногласіе между основными принципами этого положенія и дѣйствительною жизнью. Особенно рѣзко выступаетъ это разногласіе въ сферѣ отправленія правосудія. Въ краѣ дѣйствуютъ два суда, діаметрально противоположные въ основныхъ своихъ принципахъ: русскій—общій и мировой, и народный—по шаріату и адату. Русскіе суды распространяютъ свои дѣйствія и на туземное населеніе, но въ очень ограниченныхъ случаяхъ; тѣмъ не менѣе они успѣли уже, по мнѣнію автора, занять въ глазахъ туземцевъ неизмѣримо высшее положеніе предъ народными судами. Народный судъ, напротивъ, крайне неудовлетворителенъ; внесенное нами въ его организацію выборное начало совершенно пошатнуло

отправленіе правосудія и уронило этотъ судъ въ глазахъ населенія. Но туземцы, при всемъ нерасположеніи къ народному суду, при всемъ желаніи—говоритъ авторъ—избѣгнуть его, принуждены, однако, обращаться къ нему, ибо на практикѣ они почти лишены возможности обращаться къ русскому суду, такъ какъ это право предоставлено имъ только при обоюдномъ на то согласіи судящихся сторонъ, что почти недостижимо. При такомъ положеніи вещей сама жизнь, по мнѣнію автора, заставитъ въ недалекомъ будущемъ уничтожить народные суды и подчинить всѣхъ, безъ различія, компетентности русскаго суда. И вотъ наканунѣ этой неизбѣжной реформы—продолжаетъ авторъ—невольно является вопросъ, что же требуется взамѣнъ отживишхъ народныхъ судовъ: мировые ли судьи, или земскіе начальники? Онъ находитъ, что положеніе о земскихъ начальникахъ совершенно примѣнимо къ Туркестанскому краю. Помѣщая эту статью, редакція *Туркестанскихъ Вѣдомостей* предпосылаетъ ей свою замѣтку, въ которой, указывая на серьезное значеніе и своевременность возбуждаемаго вопроса, весьма предупредительно открываетъ столбцы своего органа для широкаго обмѣна мыслей къ подготовленію матеріала для законодательной работы по этому уже назрѣвшему и чрезвычайно важному вопросу. Правильная постановка и правильное его разрѣшеніе несомнѣнно будутъ имѣть весьма большое вліяніе на дальнѣйшее соціальное и политическое развитіе края и на обобщеніе его съ коренной Россіей. Поэтому, пользуясь этимъ вызовомъ редакціи, мы позволяемъ себѣ высказать свое мнѣніе по возбужденному вопросу въ надеждѣ,

что и оно можетъ послужить къ его разъясненію.

Но прежде, чѣмъ говорить по существу вопроса, весьма не лишне будетъ для полноты его разъясненія, разсмотрѣть въ общихъ чертахъ поводы, послужившіе къ возбужденію его, т. е. разсмотрѣть достоинства и недостатки существующихъ народныхъ судовъ, какъ самихъ по себѣ, такъ и по сравненію ихъ съ русскими судами.

Первое достоинство народныхъ судовъ, какъ сартовскаго—по шаріату (мусульманскій кодексъ), такъ и киргизскаго—по адату (по обычаю), есть доступность ихъ пониманію народной массы, близость ихъ ко народной жизни, народному міросозерцанію, народнымъ обычаямъ и понятіямъ. Шаріатъ руководитъ всею общественною и семейною жизнію осѣдлыхъ туземцевъ: онъ все предусмотрѣлъ, все опредѣлилъ и установилъ, охватилъ всю жизнь туземцевъ и проникаетъ во всѣ ея проявленія,—и дѣйствительно осѣдные туземцы живутъ и думаютъ по шаріату. Судъ ихъ, руководствующійся этимъ закономъ, для нихъ поэтому свой, родной, и процедура его въ простыхъ обыденныхъ случаяхъ и дѣлахъ имъ вполнѣ понятна и хорошо знакома, такъ что только въ дѣлахъ сложныхъ требуются законовѣды. Киргизскій судъ по адату еще ближе и понятнѣе для кочеваго населенія. Адатъ истекаетъ изъ самой жизни кочевниковъ—тамъ онъ взялъ свое начало, тамъ онъ черпаетъ свою силу. Это дѣйствительно плоть отъ плоти его, кровь отъ крови его. Въ адатѣ кочующихъ киргизовъ нѣтъ ничего чужаго, заимствованнаго извнѣ; все свое, родное. Поэтому и киргизскій судъ біевъ, дѣйствующій по обычаю,

всѣмъ кочевникамъ близокъ и памятенъ. Только полукочевники Ферганы, окрестностей Ташкента и другихъ мѣстностей съ преобладающимъ осѣдлымъ мусульманскимъ населеніемъ, подъ сильнымъ вліяніемъ мусульманскихъ идей и шаріата, значительно измѣнили свои понятія, обычаи и самую жизнь и судятся, хотя по адату, но уже нѣсколько окрашенному идеями мусульманства и проникнутому духомъ шаріата. Въ этомъ отношеніи народные суды Туркестана выше русскихъ судовъ: простой русскій народъ не знаетъ своего положительнаго закона и суды наши ему не понятны, особенно суды гражданскіе.

Второе достоинство народныхъ судовъ—скорое въ нихъ производство дѣлъ. Дѣла въ нихъ рѣшаются по большей части въ тотъ же день, въ который возникаютъ. И въ этомъ отношеніи народные суды выше русскихъ, отличающихся, хотя и понятною, но чрезмѣрною медленностію производства дѣлъ,—даже мировые наши суды никоимъ образомъ не могутъ быть названы судами скорыми,—даже въ этихъ судахъ дѣла тянутся по мѣсяцамъ и по годамъ.

Третье достоинство народныхъ судовъ—полная гласность, вѣрнѣе, публичность производства подъ открытымъ небомъ, или въ открытыхъ помѣщеніяхъ. Наши суды тоже гласные, но они менѣе доступны, чѣмъ суды народные: то помѣщеніе ограничиваетъ ихъ публичность, то чрезмѣрная важность и строгость наружной обстановки пугаютъ публику,—и простой народъ боится нашихъ судовъ и палатъ. Онъ довѣрчивѣе и смѣлѣе относится къ судамъ открытымъ, публичнымъ.

Къ сожалѣнію, на ряду съ такими хорошими ка-

чествами, народные суды въ *настоящемъ* ихъ состоянiи омрачены весьма крупными недостатками: въ нихъ повсемѣстно внѣдрилась поголовная продажность судей, полный, почти ничѣмъ не сдерживаемый произволъ и страшное кляузничество. Эти отрицательныя стороны народнаго суда до такой степени развились подъ прикрытiемъ нашего принципiальнаго невмѣшательства, что оставлять отправленiе правосудiя въ такомъ положенiи уже невозможно. Надо сознаться—иначе исторiя обличитъ насъ,—что эти качества народныхъ судовъ есть прямое послѣдствiе нашихъ цивилизаторскихъ попытокъ въ краѣ. Мы внесли въ народную жизнь выборное начало, мы регламентировали по своему ихъ суды,—словомъ, примѣнили къ полудикарямъ высшее благо цивилизацiи, самоуправленiе, которое едва по плечу и самымъ цивилизованнымъ народамъ,—и плоды этой цивилизацiи получились самые плачевные. Чувства законности, гражданственности и порядка туземцы не почерпнули въ предоставленномъ имъ самоуправленiи; напротивъ, оно развило въ нихъ всеобщiе подкупы, всеобщую продажность, кляузничество, личную партiйную борьбу и всевозможныя лжесвидѣтельства предъ судами и предъ властями. Такимъ образомъ народные суды, какъ и вообще народное самоуправленiе, находится въ крайнемъ нравственномъ упадкѣ.

Несмотря, однако, на почти повальную продажность судей народныхъ и, вслѣдствiе этого, на кривду въ народныхъ судахъ, туземцы, какъ святыней, дорожатъ своими судами и низачто добровольно не промѣняютъ ихъ на русскiе суды.

Авторъ указанной выше статьи, г. Z., глубоко заблуждается, утверждая, „что сарты и киргизы проникнуты сознаніемъ неизмѣримо высшаго превосходства русскихъ законовъ предъ ихъ законами, и что поэтому они прибѣгаютъ ко всѣмъ дозволеннымъ и не дозволеннымъ средствамъ, чтобы избѣгнуть своего народнаго суда и обратиться къ русской судебной власти“. За все время нашего владычества здѣсь не было или, по крайней мѣрѣ, неизвѣстно ни одного случая, чтобы туземцы одной народности добровольно обратились къ русскому суду, минуя свой народный судъ; неизвѣстно ни одного случая, чтобы туземцы принимали какія либо средства избѣгнуть своего суда и явно, открыто предпочитали своему закону русскій законъ, своему суду русскій судъ. Напротивъ, туземцы, по своимъ міровозрѣніямъ, традиціямъ, обычаямъ и понятіямъ, считаютъ свой законъ совершеннѣе и лучше нашего, свои суды проще, легче и доступнѣе нашихъ. Въ виду этого спрашивается: своевременно ли возбужденіе вопроса объ уничтоженіи народныхъ судовъ въ Туркестанѣ? Что народные суды когда нибудь неминуемо, въ силу прогресса, будутъ уничтожены—это несомнѣнно, но пришло ли это время теперь? Мы думаемъ, что это время не только не пришло, но и не близко отъ нашего времени. Суды народные, разсматривая ихъ не въ настоящемъ положеніи, а въ томъ состояніи, какими мы застали ихъ при занятіи края, каковы они были до нашей ихъ организаціи—суды эти сами по себѣ, по существу своему, хорошіе суды. Судъ киргизскій есть судъ мірской, судъ открытый, въ которомъ до-

пускается нѣкоторое участіе лучшихъ людей, но только подъ руководствомъ бія или біевъ, и потому судъ совершенно согласный съ обычаями и понятіями кочевниковъ; судъ, по своему, правый и удовлетворяющій сознанію и нравственнымъ требованіямъ народа. Сартовскій судъ тоже гласный, открытый, скорый и также отвѣчающій сознанію и нравственнымъ требованіямъ туземцивъ. Этотъ судъ чинитъ, т. е. въ *былое* время чинило лицо авторитетное, испытанный законовѣдъ, назначенный компетентною властью. Но въ настоящемъ видѣ эти суды крайне плохи; вопіющіе ихъ недостатки уже давно требуютъ кореннаго переустройства. Поэтому нынѣ совершенно своевременно поднять вопросъ не объ уничтоженіи народныхъ судовъ, а о коренномъ ихъ переформированіи съ непремѣннымъ исправленіемъ допущенныхъ въ ихъ организаціи капитальныхъ ошибокъ.

Практика народныхъ судовъ давно уже выяснила. что имъ предоставлены слишкомъ большія права и слишкомъ большая самостоятельность, и съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе сознается необходимость подчинить ихъ контролю административной власти. Въ этомъ направленіи нѣсколько мѣропріятій было сдѣлано еще покойнымъ генералъ-губернаторомъ К. П. фонъ-Кауфманомъ. Нынѣ дѣйствующее Положеніе 1886 г. не только не отвѣтило этой потребности, а еще болѣе усилило значеніе народныхъ судовъ, предоставивъ имъ полную самостоятельность и независимость отъ административной власти и давъ имъ право постановлять окончательныя рѣшенія, неподлежащія никакому обжалованію по существу, и лишь только 216 статьей нерѣшительно и не-

ясно установлено что-то въ родѣ контроля, что-то въ родѣ кассаціи, и то не по жалобѣ сторонъ, а по представленію уѣзднаго начальника, когда онъ усмотритъ, что народный судъ вышелъ изъ предѣловъ своего вѣдѣнія или своей власти, хотя предѣлы эти крайне не точно опредѣлены и не ясно очерчены. Со времени введенія этого послѣдняго положенія прошло 6½ лѣтъ, и народные суды не только не оправдали предоставленныхъ имъ самостоятельности, независимости и широкой власти, но и дошли до полнаго нравственнаго упадка. Нынѣ уже всѣми ясно признается неотложная необходимость кореннаго ихъ переформированія. Нынѣ еще сильнѣе и энергичнѣе раздаются голоса о необходимости уменьшить власть народныхъ судовъ, съузить предѣлы ихъ вѣдѣнія, расширивъ на ихъ счетъ подсудность русскому суду съ неизбѣжнымъ, конечно, увеличеніемъ его органовъ. А съ такимъ переустройствомъ народныхъ судовъ само собою выдвигается и вопросъ: какими же органами увеличить русскій судъ въ краѣ—мировыми ли судьями или земскими начальниками?

Авторъ означенной выше статьи, г. Z, рѣшительно становится на сторону земскихъ начальниковъ. Указывая на то, что мировой судья стоитъ особнякомъ, въ сторонѣ отъ общественныхъ и экономическихъ интересовъ населенія, и потому является нѣсколько одностороннимъ въ отправленіи правосудія, онъ говоритъ, что въ то же время своей полной независимостью отъ администраціи мировой судья невольно умаляетъ власть и значеніе послѣдней. Поэтому онъ находитъ болѣе удобнымъ земскаго начальника, кото-

рый, какъ непосредственный начальникъ населенія будетъ стоять близко къ послѣднему и, заботясь о его всестороннихъ интересахъ, будетъ лучшимъ судьей въ его обыденныхъ дѣлахъ, не производя при этомъ розни въ управленіи народомъ, а, напротивъ, объединяя всю власть въ своихъ рукахъ. Дѣйствительно, если мировые суды признаны не вполнѣ удовлетворительными въ коренной Россіи, то что сказать объ окраинѣ съ населеніемъ полуварварскимъ, куда только 29 лѣтъ тому назадъ началъ пробиваться лучъ цивилизаціи! Здѣсь понятія, нравы, обычаи и условія жизни туземцевъ должны имѣть еще болѣе значенія въ глазахъ судьи, чѣмъ въ коренной Россіи. Здѣсь необходимость согласованія русскаго государственнаго и народнаго интересовъ съ интересами туземцевъ и согласованія интересовъ кочевниковъ съ діаметрально противоположными интересами сартовъ еще болѣе заставляетъ судью уклоняться отъ идеи непреложной высшей правды и судить по людски. А кто же будетъ лучшимъ здѣсь судьей, какъ не тотъ, кому лучше извѣстны понятія, нравы, обычаи и бытовыя условія туземцевъ, кто больше всѣхъ заинтересованъ ихъ экономической, общественной и частной жизнью, кто, какъ не прямой непосредственный ихъ начальникъ, обязанный по существу своихъ обязанностей согласовать государственные, казенные и мѣстные интересы? Именно такимъ лицомъ и является земскій начальникъ. И такъ съ точки зрѣнія судебной реформы въ краѣ введеніе здѣсь института земскихъ начальниковъ весьма желательно.

Но учрежденіе это еще болѣе желательно вообще для упорядоченія народнаго управленія. Обще-

ственныя хозяйственныя управленія туземцевъ страдаютъ такими же, если не большими недостатками, какъ и судебныя, и также не должны быть далѣе терпимы въ нынѣшнемъ печальномъ положеніи. Русская власть въ лицѣ уѣзднаго начальника, его помощниковъ и участковыхъ приставовъ, слишкомъ слаба, какъ по силѣ предоставленной ей власти, такъ и по личному составу, и не въ состояніи исправить и упорядочить ввѣренныя имъ управленія. Необходимо не только увеличить число низшихъ органовъ русской власти, но и усилить ее по существу и притомъ непремѣнно сосредоточить ее въ одиѣхъ рукахъ. Все это вполнѣ достижимо съ учрежденіемъ земскихъ начальниковъ. Они будутъ слѣдить за выборами туземныхъ должностныхъ лицъ и руководить послѣдними, будутъ руководить всѣми общественно-хозяйственными дѣлами: и по пользованію землей, и по водоснабженію, и по податному обложенію, и по раскладкѣ всѣхъ сборовъ и пр.; будутъ судить и русскихъ, и туземцевъ въ предѣлахъ предоставленной имъ власти. Словомъ, будутъ едиными начальниками своихъ, по возможности, незначительныхъ районовъ, какъ весьма обстоятельно очертилъ въ своей статьѣ по этому вопросу глубокоуважаемый, бывшій туркестанскій дѣятель Н. Л. Мордвиновъ (*Турк. Вѣд.*, № 39).

Весьма важно въ этомъ вопросѣ и то обстоятельство, что земскій начальникъ не будетъ совершенно новымъ и чуждымъ явленіемъ въ Туркестанскомъ краѣ; должность эта, въ общемъ ея характерѣ, уже знакома Туркестану,—только въ значительно большемъ размѣрѣ. До учрежденія Туркестанскаго генералъ-губернаторства, по про-

екту положенія 1867 г., туземцами края управляли *завѣдующіе населеніемъ*. Въ ихъ рукахъ была вся власть: и административная, и хозяйственная, и судебная. Завѣдующій населеніемъ былъ полнымъ хозяиномъ своего района, полномочнымъ начальникомъ. Туземцы относились къ нему съ глубокимъ почтеніемъ и съ полнымъ повиновеніемъ и послушаніемъ. Онъ вполнѣ соотвѣтствовалъ ихъ идеалу начальника. Они съ дѣтства привыкли подчиняться начальнику полновластному, который чинилъ надъ всѣми судъ и расправу и подати взималъ. Завѣдующій населеніемъ и былъ такимъ полновластнымъ начальникомъ. Онъ назначалъ мелкихъ должностныхъ лицъ, онъ чинилъ судъ и расправу между русскими и туземцами и между послѣдними разныхъ народностей; въ его присутсутствіи и подъ его наблюденіемъ совершался судъ народный по болѣе или менѣе важнымъ дѣламъ и по его приказанію рѣшеніе послѣдняго приводилось въ исполненіе; подъ его наблюденіемъ и контролемъ производился сборъ податей и раскладка ихъ; словомъ, это былъ начальникъ, власть котораго распространялась на все. И, по справедливости слѣдуетъ сказать, онъ пользовался большимъ вліяніемъ и имѣлъ больше значенія, чѣмъ замѣстившіе его, по проекту положенія 1867 г., уѣздные начальники. Послѣдніе явились уже не полновластными начальниками: съ отдѣленіемъ судебной власти они не только не могли уже чинить сами судъ, но не могли и вмѣшиваться въ производство народныхъ судовъ; съ введеніемъ въ народное управленіе выборнаго начала, они уже не могли не только назначить должностныхъ лицъ, но и вмѣшиваться въ производство выборовъ ихъ

и въ раскладку податей и повинностей. Такимъ образомъ власть непосредственныхъ русскихъ начальниковъ надъ туземцами была умалена, но тѣмъ не менѣе престижъ этой власти, въ силу внутренней политики управленія краемъ, въ силу установившагося режима, былъ въ первое двадцатилѣтіе силенъ и высокъ—и только съ введеніемъ новаго положенія 1886 г., престижъ ея сталъ съ каждымъ годомъ замѣтно слабѣть и опускаться. Теперь уже всѣми сознается, такъ сказать, чувствуется настоятельная, неотложная надобность усиленія этой власти, въ поднятіи ея престижа въ коренномъ принципіальномъ измѣненіи,—правильнѣе сказать, въ исправленіи и оздоровленіи нашей внутренней здѣсь политики. Вопросъ о введеніи въ краѣ института земскихъ начальниковъ является такимъ образомъ какъ нельзя болѣе своевременнымъ.

Итакъ земскій начальникъ въ томъ видѣ и въ той власти, какъ нынѣ дѣйствующіе въ коренной Россіи, съ одной стороны, есть наиболѣе удобный и цѣлесообразный ближайшій начальникъ населенія края, а съ другой стороны, онъ вполнѣ отвѣчаетъ духу, понятіемъ и традиціямъ туземцевъ. Нельзя не согласиться съ убѣжденнымъ мнѣніемъ г. Мордвинова, изложеннымъ въ его означенной выше прекрасной статьѣ, что со введеніемъ института земскихъ начальниковъ управленіе Туркестанскаго края пріобрѣтаетъ такое развитіе, такую стройность, полноту и мощность, что всѣ неотложныя, понынѣ непосильныя задачи будутъ выполнены въ самомъ недалекомъ будущемъ, что уѣздные начальники станутъ во главѣ стройнаго, сильнаго управленія уѣздами, что област-

ныя присутствія замѣнятъ живымъ дѣломъ нынѣшній формализмъ областныхъ правленій, что всѣ разрозненные нынѣ элементы управленія будутъ соединены и въ уѣздѣ, и въ области и что улучшеніе податнаго устройства направитъ всѣ доходы казны въ Государственное Казначейство, минуя ростовщиковъ, міроѣдовъ и туземныхъ должностныхъ лицъ.

Введеніе въ управленіе Туркестанскаго края института земскихъ начальниковъ само собою потребуетъ значительнаго и существеннаго измѣненія въ существующей организаціи управленія края какъ въ областяхъ, такъ и въ уѣздахъ. Поэтому потребуется пересмотръ дѣйствующаго въ краѣ Положенія въ духѣ новаго направленія. Мы не имѣемъ претензіи составлять проектъ этихъ измѣненій, но позволимъ себѣ лишь высказаться о нѣкоторыхъ изъ нихъ,—именно тѣхъ, которыя, по нашему разумѣнію, весьма желательны и даже отчасти неминуемы въ этой реформѣ.

По Положенію о земскихъ начальникахъ, они вооружены широкою властью судить и рядить, и руководить народнымъ самоуправленіемъ съ правомъ контролировать и утверждать дѣйствія этого самоуправленія. Такимъ образомъ правительственная власть въ уѣздѣ значительно объединена и усилена. Соотвѣтственно усилена общегосударственная власть и въ губерніи: губернатору и губернскому присутствію предоставлены начальственный надзоръ и руководительство, какъ въ отношеніи уѣздныхъ съѣздовъ, такъ и непосредственно земскихъ начальниковъ.

Если въ коренной Россіи признано необходимымъ объединить и усилить общегосударствен-

ную власть въ губерніяхъ и уѣздахъ, то тѣмъ паче это нужно въ такой обособленной и своеобразной окраинѣ, какъ Туркестанъ. Послѣдній перешелъ къ намъ изъ-подъ власти деспотической, сконцентрированной въ однѣхъ рукахъ и совершенно достаточно полномочной въ своемъ районѣ. Оттого, по понятіямъ туземца, мѣстный начальникъ долженъ обладать властью сильной и положительной, а не относительной, не условной. Туземецъ поэтому до сего времени не можетъ ясно понять, почему его русскій начальникъ не можетъ ни наказать его, когда онъ не даетъ спокойно жить другому,—ни оказать ему защиту, когда ему не даютъ этого покоя, а отсылаетъ его къ другой власти, которая и разбираетъ его съ недругомъ. Такого раздѣленія власти онъ не понимаетъ: по его традиціямъ и понятіямъ, власть недѣлима. И въ этомъ обстоятельствѣ онъ усматриваетъ только слабость власти или неумѣнье распорядиться ею, что несомнѣнно подрываетъ силу и авторитетъ нашего владычества и довѣріе къ нашимъ порядкамъ. Это всегда слѣдуетъ прежде всего имѣть въ виду, какъ руководителямъ внутренней здѣсь политики, такъ и законодательнымъ учрежденіямъ.

Между тѣмъ съ учрежденіемъ въ уѣздахъ по нѣскольку такихъ сильныхъ, властныхъ и болѣе или менѣе самостоятельныхъ органовъ, какъ земскій начальникъ, значеніе и власть уѣздныхъ начальниковъ будетъ весьма естественно поколеблена и ослаблена. Они будутъ низведены въ положеніе земскихъ исправниковъ и сохранятъ въ своихъ рукахъ только одну полицейскую власть. Положеніе о земскихъ начальникахъ ничего не говоритъ объ уѣздныхъ начальникахъ, потому что

ихъ не было и нѣтъ въ коренной Россіи. Тамъ нынѣ уѣздъ разбивается на нѣсколько участковъ, которыми завѣдуетъ земскій начальникъ, и административное управленіе уѣзда сосредоточено въ уѣздномъ съѣздѣ, учрежденіи коллегіальномъ. Соотвѣтствуетъ ли коллегія административному управленію уѣздами—это вопросъ еще не рѣшенный и не разъясненный. На далекихъ же окраинахъ Россіи, въ томъ числѣ и въ Туркестанѣ, управленіе уѣздами и округами всегда сосредоточивалось въ одномъ лицѣ начальника уѣзда или округа. Поэтому необходимо здѣсь считаться съ этою должностью при реформированіи управленія. Въ Туркестанскомъ краѣ уѣздный начальникъ справедливо считается краеугольнымъ камнемъ нашего здѣсь владычества. Онъ есть центръ, средоточіе государственной власти въ уѣздѣ и, казалось бы, долженъ такимъ и остаться. Онъ долженъ быть дѣйствительнымъ начальникомъ уѣзда, а не уѣзднымъ полиціймейстеромъ; иначе, государственная власть въ уѣздѣ будетъ разбита по частямъ и не будетъ имѣть своего средоточія, а это во всякомъ случаѣ поведетъ къ ея ослабленію. Такимъ образомъ съ введеніемъ въ краѣ института земскихъ начальниковъ необходимо вновь точно опредѣлить положеніе уѣздныхъ начальниковъ, ихъ права и обязанности и ихъ отношеніе къ населенію, къ земскимъ начальникамъ и къ другимъ властямъ и учрежденіямъ,—иначе произойдетъ въ первое же время неминуемая путаница въ этихъ отношеніяхъ. При обсужденіи этого вопроса, казалось бы, слѣдуетъ принять слѣдующія основныя положенія: а) подчинить земскихъ начальниковъ въ служебномъ отношеніи уѣзднымъ начальникамъ съ

сохраненіемъ, конечно, за ними всей предоставленной имъ по Положенію самостоятельности служебныхъ дѣйствій; б) за неимѣніемъ въ краѣ мѣстнаго дворянскаго элемента предоставить уѣзднымъ начальникамъ всѣ права и обязанности предсѣдателей уѣздныхъ съѣздовъ; в) предоставить имъ право контролировать дѣйствія земскихъ начальниковъ не по постановленіямъ только уѣздныхъ съѣздовъ, а и по личному усмотрѣнію, и г) сохранить за уѣздными начальниками практикуемое нынѣ право налагать на населеніе взысканія за маловажные проступки и за ослушаніе власти.

Этимъ, конечно, не исчерпывается вопросъ по опредѣленію правъ, обязанностей и отношеній уѣздныхъ начальниковъ,—детальное обсужденіе по всей вѣроятности укажетъ и на другія болѣе или менѣе существенныя его стороны.

Положеніемъ о земскихъ начальникахъ соотвѣтственно усилена и власть губернаторская. Вслѣдствіе отдаленности Туркестанскаго края и особыхъ политическихъ его условій, здѣсь еще настоятельнѣе требуется усиленіе этой власти. Если, напримѣръ, губернатору въ коренной Россіи подчинены земскіе начальники и какъ отправители правосудія, то въ Туркестанскомъ краѣ ему должно быть предоставлено нѣкоторое право надзора и за высшими судебными учрежденіями въ области. Такъ, въ случаяхъ большой важности, особенно нарушающихъ общественное спокойствіе, или въ серьезныхъ случаяхъ неповиновенія, сопротивленія и противудѣйствія власти, или въ столкновеніяхъ между разными народностями, а наипаче между русскими и туземцами—

слѣдуетъ предоставить губернатору право имѣть надзоръ за производствомъ слѣдствій, а также предоставить ему право требовать къ себѣ на просмотръ слѣдственныя дѣла, какъ до передачи ихъ прокурорскимъ надзорамъ въ судъ, такъ и по разрѣшеніи ихъ судомъ. Съ одной стороны, часто повторяющіеся грабежи, разбои, конокрадства и т. п. волнуютъ населеніе и до основанія нарушаютъ общественное спокойствіе; съ другой стороны, всякое нарушеніе толпою порядка управленія, всякое сопротивленіе власти и активное противодѣйствіе ей разжигаютъ народныя страсти и производятъ опасное волненіе умовъ въ населеніи. Губернаторъ долженъ быть въ такихъ случаяхъ во всеоружіи власти, чтобы захватить во время и сокрушить проявившееся зло: ему необходимо точно и обстоятельно знать, гдѣ и отчего проявилось зло и велико ли его развитіе. Между тѣмъ нынѣ, съ передачей дѣла отъ полиціи слѣдователю, оно поступаетъ въ исключительное вѣдѣніе судебной власти, а администрація обречена въ отношеніи къ этому дѣлу на положительное бездѣйствіе, какъ бы она заинтересована въ немъ не была. Такимъ образомъ явленія, весьма сильно и глубоко задѣвающія общественный и даже политическій бытъ страны, изъемлются изъ-подъ вліянія администраціи. Вслѣдствіе этого является весьма вредная рознь разныхъ властей и вѣдомствъ по управленію населеніемъ. Предоставленіе губернатору права имѣть надзоръ за дѣйствіями судебныхъ мѣстъ и лицъ по наиболѣе важнымъ дѣламъ въ значительной степени послужило бы той же цѣли упроченія и объединенія власти, которая имѣлась въ виду и въ учре-

жденіи института земскихъ начальниковъ, тѣмъ болѣе, что такой надзоръ губернаторской власти ни сколько не умалилъ бы значенія и самостоятельности органовъ правосудія, а достигалось бы, напротивъ, то, что двѣ власти не глядѣли бы врознь, а шли бы рука объ руку къ одной цѣли.

Въ тѣхъ же видахъ должна быть расширена въ отношеніи судебныхъ органовъ управленія и власть главнаго начальника края. Генералъ-губернатору должно быть предоставлено право назначать на должности мировыхъ судей (если таковыя еще останутся въ краѣ) и ихъ помощниковъ, или слѣдователей. Судьи и слѣдователи, конечно, должны быть самостоятельны въ своихъ дѣйствіяхъ, но, въ видахъ гармоніи управленія и объединенія власти, они должны быть подчинены администраціи. Такой порядокъ не будетъ вреденъ, а, напротивъ, скорѣе полезенъ и въ дѣлѣ отправленія правосудія. Если при назначеніи на эти должности административною властію и не будетъ строго преслѣдоваться спеціально образовательный цензъ, который, правда, не всегда наблюдается и при назначеніяхъ отъ министерства юстиціи, то, по всей вѣроятности, назначенія эти выиграютъ со стороны жизненной опытности и служебной подготовки лицъ, назначаемыхъ на должности. А это существенно важно. Судья и слѣдователь по своей профессіи, по существу своихъ обязанностей, глубоко вдаются въ общественную, хозяйственную и даже семейную жизнь населенія; они властно входятъ не только въ житейскія и имущественныя дѣла населенія, но и въ самую сокровенную, интимную и нравственную его жизнь и распоряжаются и волею, и имуществомъ, и не-

рѣдко судьбою гражданина и его семьи. Власть страшная. Недостаточно одного образовательнаго ценза, чтобы умѣть правильно и толково распорядиться ею. Ученый законовѣдъ, почти прямо со школьной скамьи ставшій слѣдователемъ, является въ большинствѣ случаевъ крайне неопытнымъ и въ жизни, и на службѣ, и, пока пріобрѣтетъ житейскій и служебный опытъ, успѣетъ съ непосильною властью надѣлать много бѣдъ и зла. Судить и слѣдствія производить—это не канцелярская служба. Здѣсь необходимо прежде всего по возможности лучше и глубже знать и людей, и людскую жизнь; эта подготовка нужнѣе, чѣмъ знаніе теоріи и философіи разныхъ правъ, которыя болѣе пригодны для гимнастики ума, чѣмъ для судейской практики въ низшихъ ступеняхъ. Здравомыслящій и опытный въ жизни человѣкъ, хотя и неполучившій спеціальнаго образованія, будетъ лучшимъ судьей и слѣдователемъ, чѣмъ юный законовѣдъ съ блестящими познаніями разныхъ законодательствъ и разныхъ теорій и философій права, но неимѣющій жизненнаго опыта. Особенно въ отдаленныхъ и обособленныхъ окраинахъ нужнѣе для судьи и слѣдователя основательное знакомство съ краемъ и его населеніемъ, чѣмъ школьныя познанія законовѣдовъ. По симъ соображеніямъ будетъ вполнѣ цѣлесообразно назначеніе на должности мировыхъ судей и слѣдователей Туркестанскаго края предоставить главному его начальнику, не стѣсняя его въ этомъ отношеніи спеціальнымъ образовательнымъ цензомъ.

Въ тѣхъ же видахъ усиленія и объединенія власти слѣдуетъ нѣсколько подчинить административной власти и прокурорскій надзоръ. Внутри

Россіи, гдѣ введены вполнѣ судебныя учрежденія по уставамъ Императора Александра II, прокурорскій надзоръ есть власть чисто судебная, имѣющая опредѣленныя и точно очерченныя отношенія къ административной власти. На окраинахъ же Имперіи, какъ напримѣръ, въ Туркестанѣ, онъ есть власть административно-судебная, дѣйствующая болѣе по Положенію о губернскихъ учрежденіяхъ и по XIV и XV томамъ, чѣмъ по судебнымъ уставамъ. Губернскіе и областные прокуроры распространяютъ свой надзоръ на весь механизмъ управленія губерніями и областями, до которыхъ еще не дошли судебные уставы въ полномъ ихъ объемѣ. Кромѣ дѣлъ судебныхъ, они наблюдаютъ за всѣми дѣлами по неправильнымъ и незаконнымъ дѣйствіямъ административныхъ лицъ и учрежденій и по жалобамъ на эти дѣйствія, а также за всѣми дѣлами, сопряженными съ казеннымъ интересомъ,—словомъ, прокуроръ входитъ во всѣ отношенія между населеніемъ и властями, какъ правительственными, такъ и народными, принимаетъ жалобы на этихъ властей, не исключая губернаторовъ и даетъ имъ движеніе. Такимъ образомъ въ глазахъ населенія функціонируютъ двѣ власти: одна—его прямое начальство; другая—какая-то посторонняя власть, непонятная невѣжественному населенію, но настолько сильная и независимая, что присматриваетъ за его начальствомъ и принимаетъ на него жалобы,—значитъ, власть, по его понятіямъ, еще высшая и болѣе сильная, чѣмъ его начальство. Такое положеніе безусловно вредно и даже опасно, именно у насъ на окраинахъ, гдѣ власть пока опирается болѣе на военную силу, чѣмъ на свой

нравственный авторитетъ. Допустимъ, что прокурорскій надзоръ находится въ основательныхъ и благоразумныхъ рукахъ, всегда легаленъ и проникнутъ самыми доброжелательными намѣреніями въ отношеніи администраціи, старается, гдѣ нужно, поддерживать ее, а не ослаблять и не расшатывать,—допустимъ, что въ отношеніяхъ между прокурорскимъ надзоромъ и администраціей нѣтъ никакой шероховатости,—все же, какъ власть независимая отъ администраціи, да при томъ надзирающая за ея дѣйствіями и даже могущая вмѣшиваться въ нихъ, она неминуемо будетъ парализовать ея значеніе и дѣятельность. Прокурорскій надзоръ учрежденіе весьма почтенное и полезное, но . . . все въ мѣру и въ своихъ предѣлахъ. Если бы губернскіе или областные прокуроры были въ нѣкоторой зависимости отъ администраціи и въ дѣйствительномъ подчиненіи ей, то рознь и шероховатость отношеній между ними сгладились бы. Если бы, напримѣръ, назначеніе и увольненіе прокурорскаго надзора въ Туркестанѣ производились по соглашенію съ главнымъ начальникомъ края, а награжденіе ихъ чинами, орденами и пр. шло бы по военному министерству,—если бы прокуроры всѣ свои свѣдѣнія и замѣчанія о неправильныхъ дѣйствіяхъ и злоупотребленіяхъ чиновъ и учрежденій административнаго вѣдомства и о всѣхъ вообще безпорядкахъ по гражданскому управленію краемъ, а равно и всѣ поступающія къ нимъ по этому поводу жалобы, прошенія и сообщенія, представляли на распоряженіе главнаго начальника края, или, по принадлежности губернаторамъ, сохраняя, конечно, за собою право протеста къ высшей власти по

каждому возбужденному имъ дѣлу, тогда, оставаясь въ полной силѣ и мѣрѣ тѣмъ же прокурорскимъ надзоромъ, послѣдній по дѣламъ административнаго управленія явился бы лишь органомъ той же административной власти и не могъ бы служить ея ослабленію.

На это могутъ замѣтить, что прокурорскій надзоръ всегда, съ самаго начала своего учрежденія, составлялъ органъ судебной власти и былъ подчиненъ непосредственно и исключительно министру юстиціи, что это коренной законъ этого учрежденія, для нарушенія котораго едва-ли достаточны изложенные выше мотивы. Да, ранѣе были одни времена, теперь другія; прежніе порядки и взгляды могутъ и не соотвѣтствовать настоящимъ руководящимъ взглядамъ. Прежде, напримѣръ, жандармская часть составляла отдѣльное самостоятельное вѣдомство, а нынѣ она вошла въ составъ департамента исполнительной полиціи при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Прежде, до судебной реформы, прокурорскій надзоръ во всей Россіи былъ судебно-административный органъ, а нынѣ онъ чисто судебный органъ (за незначительными исключеніями) и только на окраинахъ, гдѣ не введены полностію судебные уставы, онъ сохранилъ свое прежнее положеніе; но прежніе губернскіе и областные прокуроры не имѣли такого значенія, какъ нынѣ, потому что административная власть была тогда въ полной своей силѣ и судебная часть не была такъ обособлена отъ административной.

Казалось бы, непосредственная подчиненность прокурорскаго надзора министру юстиціи не исключаетъ возможности одновременной под-

чиненности его и административной власти въ случаяхъ, когда онъ дѣйствуетъ, какъ административный органъ. Казалось бы, военному министру, какъ главному хозяину Туркестанскаго края, весьма не лишне имѣть свой прокурорскій надзоръ по управленію краемъ—вѣдь онъ также блюститель закона и также озабоченъ точнымъ исполненіемъ его въ подвѣдомственномъ ему краѣ, но ужъ несомнѣнно болѣе заинтересованъ въ его преуспѣяніи и въ строгомъ соблюденіи въ немъ порядка, тишины и спокойствія, и ему несомнѣнно нужнѣе знать дѣятельность подвѣдомственныхъ ему служебныхъ органовъ, чѣмъ другой посторонней власти. Подчиненный ему прокурорскій надзоръ былъ бы вполнѣ соотвѣтствующимъ этому органомъ. Этотъ надзоръ можетъ отправлять и судебныя функціи по производству дѣлъ въ судебныхъ учрежденіяхъ и у судебныхъ слѣдователей, и по надзору за ними, подчиняясь въ этомъ отношеніи министру юстиціи. Эта двойственность служебной подчиненности не является особенной необычайностью и новизной и на практикѣ не встрѣтитъ особыхъ неудобствъ. Въ Туркестанскомъ краѣ, какъ и въ другихъ мѣстностяхъ внутри Россіи, есть должностныя лица, подчиненныя разнымъ вѣдомствамъ и безъ всякихъ неудобствъ и стѣсненій отправляющія свои служебныя обязанности. При туркестанскомъ генералъ-губернаторѣ есть чиновники особыхъ порученій разныхъ спеціальностей: по горной, сельско-хозяйственной и лѣсной частямъ, путей сообщенія,—и всѣ они, находясь въ подчиненности главному начальнику края, въ то же время подчиняются каждый своему министерству, куда также представляютъ

отчеты, соображенія и объясненія, получають указанія и разъясненія и носять своего спеціальнаго вѣдомства мундиры; есть такой же органъ министерства финансовъ въ совѣтѣ генералъ-губернатора; недавно былъ такой же чиновникъ по дипломатической части, подчинявшійся министерству иностранныхъ дѣлъ. Наконецъ, если можно на судебный органъ возлагать обязанности административныя, то, казалось бы, можно и подчинить его административной власти въ предѣлахъ этихъ обязанностей, или, казалось бы, въ свою очередь, можно и на административный органъ съ извѣстнымъ, конечно, образовательнымъ цензомъ и спеціальной подготовкой, возлагать судебныя обязанности, подчинивъ его въ предѣлахъ этихъ обязанностей судебной власти.

Будетъ или не будетъ существующій въ краѣ прокурорскій надзоръ подчиненъ въ нѣкоторой степени административной власти, во всякомъ случаѣ, въ видахъ сохраненія престижа послѣдней, что особенно важно въ Туркестанѣ, необходимо точно и строго опредѣлить права и обязанности этого надзора.

Высказанное предположеніе о подчиненіи мировыхъ судей, слѣдователей и прокурорскаго надзора Туркестанскаго края административной власти, конечно, встрѣтитъ рѣшительный отпоръ въ судебномъ вѣдомствѣ, какъ неотвѣчающее установившимся взглядамъ, согласно которымъ никакая посторонняя власть не должна прикасаться къ судебнымъ учрежденіямъ, составляющимъ совершенно обособленное, ни отъ кого независимое самодѣятельное вѣдомство. По этому едва ли можно расчитывать на его осуществленіе. Тѣмъ не менѣе

оно высказывается здѣсь для обмѣна мысли, на предварительное обсужденіе, если найдутся къ тому охотники и удостоять своимъ снисходительнымъ вниманіемъ эти строки. Можетъ быть чрезъ пять, десять или болѣе лѣтъ опять будетъ поднятъ кѣмъ либо этотъ вопросъ, тогда онъ, по крайней мѣрѣ, не будетъ уже новымъ и, по всей вѣроятности, найдетъ болѣе спокойное обсужденіе.

Положеніе о земскихъ начальникахъ установило для городовъ должность городскаго судьи и, кромѣ того, для всего уѣзда должность уѣзднаго члена окружнаго суда. Нужны ли эти должности для Туркестанскаго края?

Туркестанскіе уѣздные города очень мало похожи на уѣздные города внутри Россіи. Послѣдніе суть центры торговли и промышленности уѣзда, имѣютъ на всемъ особый городской отпечатокъ, свое городское общество и при томъ они центры уѣздной интеллигенціи (дворянство): здѣсь въ Туркестанѣ, уѣздный городъ по большей части только административный центръ. Хотя большіе города Ферганы и даже Самаркандской и Сыръ дарьинской областей и представляютъ собою значительные и даже весьма важные торгово-промышленные центры, но по общественному строю населенія и даже по своему развитію они почти не разнятся отъ селеній. Поэтому обособлять, отличать для нихъ судебныя учрежденія не представляется никакого основанія, и, можетъ быть, скорѣе вредно, чѣмъ полезно. Тѣмъ болѣе, что даже и внутри Россіи уже раздаются голоса и въ обществѣ, и въ печати о несоотвѣтственности городскихъ судей и уѣздныхъ членовъ окружныхъ

судовъ духу Положенія о земскихъ начальникахъ и о нѣкоторой розни ихъ съ послѣдними. Рознь эта проявляется главнымъ образомъ въ судебномъ присутствіи уѣздныхъ съѣздовъ. Городскіе судьи и уѣздные члены судовъ, какъ спеціальные юристы, стараются показать свое превосходство предъ земскими начальниками, большею частію неполучившими спеціальнаго юридическаго образованія, и, какъ совершенно независимые отъ администраціи, стараются взять руководящее первенствующее значеніе въ съѣздѣ, не говоря уже о тѣхъ случаяхъ, когда предсѣдательствуетъ уѣздный членъ суда. Они строго и нѣсколько свысока относятся къ рѣшеніямъ земскихъ начальниковъ и волостныхъ судовъ, —особенно къ рѣшеніямъ послѣднихъ по ихъ безформенности и неубѣдительности, вслѣдствіе неумѣнья волостныхъ писарей составлять обстоятельно и послѣдовательно приговоры и рѣшенія и излагать мотивы ихъ;— и очень много такихъ приговоровъ отмѣняютъ, чѣмъ несомнѣнно подрывается достоинство и значеніе этихъ судовъ и парализуется ихъ дѣятельность. Если при этомъ имѣть въ виду отсутствіе необходимости въ городскихъ судьяхъ, то, кажется, нельзя не придти къ заключенію, что настоящіе мировые судьи въ уѣздахъ должны быть замѣнены не городскими судьями, а земскими начальниками. Такимъ образомъ устранится въ низшемъ русскомъ судѣ двойственность судопроизводства и установится вездѣ и въ городахъ, и въ уѣздахъ единство власти и режима. Можетъ быть для русскихъ частей областныхъ городовъ гдѣ, повидимому, нѣтъ основанія вводить земскихъ начальниковъ, приведется сдѣлать исключеніе и

установить для нихъ городскихъ судей, но въ такомъ случаѣ они должны быть обязательно подчинены административной власти и второю инстанціею для рѣшаемыхъ ими дѣлъ долженъ быть мѣстный уѣздный съѣздъ.

Что же касается до уѣздныхъ членовъ суда, то трудно подыскать мотивы, оправдывающіе введеніе ихъ въ Туркестанскомъ краѣ; здѣсь они совершенно не нужны и представляли бы излишнее учрежденіе, такъ какъ почти всѣ ихъ обязанности могутъ быть безъ ущерба дѣлу возложены на земскаго начальника.

Положеніе о земскихъ начальникахъ, создавъ въ средѣ сельскаго населенія сильную правительственную власть въ лицѣ земскаго начальника, до того обременило его многочисленными, разнообразными и трудными обязанностями, что невольно является сомнѣніе въ томъ, найдется ли достаточно земскихъ начальниковъ, которые оказались бы на высотѣ своего положенія. А непосильная работа всегда ведетъ къ тому, что у работающаго ослабляется энергія и опускаются руки, на что уже и раздаются жалобы внутри Россіи. Между тѣмъ изъ круга разнообразныхъ и трудныхъ обязанностей земскаго начальника нельзя, въ облегченіе его службы, изъять ни одной безъ существеннаго нарушенія цѣльности, послѣдовательности и систематичности управленія населеніемъ. Такимъ образомъ облегченіе трудной службы земскихъ начальниковъ возможно лишь со стороны уменьшенія величины ихъ участковыхъ районовъ—по три или четыре волости на районъ. На этотъ вопросъ слѣдуетъ обратить серьезное вниманіе при примѣненіи къ Турке-

станскому краю Положенія о земскихъ начальникахъ.

Въ виду серьезности и трудности многочисленныхъ обязанностей земскаго начальника, Положеніе о нихъ придаетъ ему весьма серьезное значеніе и обставило назначеніе на этотъ постъ соотвѣтствующими требованіями. Такъ, предоставивъ земскому начальнику сильную власть и сравнительно значительное содержаніе, оно установляетъ, что земскимъ начальникомъ можетъ быть лицо, прослужившее въ губерніи не менѣе трехъ лѣтъ предводителемъ дворянства, или лицо, обладающее, кромѣ имущественнаго ценза, еще образовательнымъ или служебнымъ цензомъ. Въ Туркестанѣ земскій начальникъ будетъ имѣть еще болѣе важное значеніе. Земскій начальникъ здѣсь будетъ непосредственнымъ ближайшимъ русскимъ начальникомъ туземнаго населенія: онъ будетъ главнымъ насадителемъ порядка и гражданственности, проводникомъ гуманности и справедливости въ средѣ темной и невѣжественной, онъ будетъ руководителемъ туземцевъ на пути ихъ всесторонняго развитія и первымъ звѣномъ, объединяющимъ эту далекую окраину съ метрополіей. Задача серьезная и трудная—и нужны лучшіе люди, и опытные, и свѣдующіе и нравственно благонадежные для выполненія ея. А для этого необходимо соотвѣтственно обставить эту должность—тогда и хорошій человѣкъ легче найдется и легче ему будетъ выполнить эту задачу. Въ виду этого, казалось бы, слѣдуетъ предоставить земскому начальнику тѣ же средства, какія отпускаются нынѣ мировымъ судьямъ Туркестанскаго края, т. е. 1000 руб. жалованья, 1000 р. столовыхъ, 800 р. на канцелярію,

разъѣзды и разсыльныхъ, съ отнесеніемъ послѣдняго расхода на земскій кредитъ. На первый взглядъ можетъ показаться, что примѣненіе Положенія о земскихъ начальникахъ къ Туркестанскому краю потребуетъ отъ государственнаго казначейства значительнаго новаго расхода. На самомъ дѣлѣ новый расходъ будетъ относительно небольшой. На земскихъ начальниковъ, полагая, что у нихъ будутъ незначительные участки, могутъ быть возложены и обязанности слѣдователя (нынѣшняго помощника мирового судьи). Слѣдовательно, земскіе начальники замѣнятъ 12 мировыхъ судей (не считая судей въ областныхъ городахъ), 11 ихъ помощниковъ и 3 судебныхъ слѣдователя; кромѣ того, они замѣнятъ 16 участковыхъ приставовъ, въ которыхъ тогда также не будетъ надобности. Съ упраздненіемъ этихъ должностей освободится кредитъ около 75.000 руб. изъ земскаго кредита, и 33.600 р. изъ Государственнаго Казначейства—итого 108.000 руб.; кромѣ того, сократится расходъ на квартиры, отопленіе и разсыльныхъ для 45 должностныхъ лицъ, около 30.000, а всего около 138.000 руб. На содержаніе же земскихъ начальниковъ всего края (60) потребуется до 200.000 руб.; слѣдовательно, потребовалось бы увеличенія кредита всего около 60.000 р. Но, принимая во вниманіе, что земскіе начальники замѣнятъ собою, между прочимъ, мировыхъ судей и ихъ помощниковъ (слѣдователей), содержаніе которыхъ относится на земскій кредитъ, то и содержаніе ихъ, земскихъ начальниковъ, можетъ быть цѣликомъ отнесено на тотъ же кредитъ.

Но содержаніемъ земскихъ начальниковъ не исчерпывается весь денежный вопросъ: потре-

буется, вмѣстѣ съ земскими начальниками, учредить уѣздные съѣзды и губернскія или областныя присутствія и установить для нихъ должности непремѣнныхъ членовъ, по одному для каждаго. На непремѣнныхъ членовъ, вѣроятно, будетъ возложено все производство по судебнымъ дѣламъ; производство же по административнымъ дѣламъ можно будетъ возложить въ уѣздахъ на обязанность ѣздныхъ начальниковъ и секретарей уѣздныхъ управленій, а въ областныхъ присутствіяхъ на обязанность начальниковъ отдѣленій областныхъ правленій по принадлежности. Такъ какъ непремѣнные члены будутъ вѣдать судебными дѣлами мироваго судопроизводства, то содержаніе ихъ также можетъ быть отнесено на земскій кредитъ. На это потребуется по 2.000 р., непремѣннымъ членамъ съѣздовъ—всего 30.000 р. и по 3.000 р. непремѣннымъ членамъ областныхъ присутствій, всего 9.000 руб., итого 39.000 руб. Вѣроятно, столько же потребуется на канцелярскіе и другіе расходы для этихъ учрежденій. Но при этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что, во 1-хъ, уѣздные съѣзды относительно помѣщенія, канцелярскихъ расходовъ и разсыльныхъ могутъ быть пристроены къ уѣзднымъ управленіямъ, а областныя присутствія къ областнымъ правленіямъ съ незначительною прибавкою имъ средствъ на это, и, во 2-хъ, нѣкоторые уѣзды, какъ Самаркандскій и Катта-Курганскій, Казалинскій и Перовскій, Андижанскій и Ошскій, городъ Ташкентъ и Ташкентскій уѣздъ могутъ быть безъ ущерба дѣлу соединены въ одномъ съѣздѣ. Такимъ образомъ явится возможность значительно сократить расходъ на эти учрежденія; тѣмъ не менѣе на это могутъ замѣ-

тить, что земскій кредитъ и теперь не въ состояніи удовлетворять полностью всѣ земскія потребности и нерѣдко удовлетвореніе серьезныхъ земскихъ нуждъ приходится откладывать на слѣдующіе годы,—и потому безъ прямаго и большаго ущерба земскимъ потребностямъ едва ли можно налагать на него новые, да еще крупные расходы. Но съ развитіемъ поземельно-податной дѣятельности, подати значительно увеличатся, а съ ними и земскій кредитъ,—тогда этотъ новый расходъ не будетъ для него тяжкимъ бременемъ. Кромѣ того, съ введеніемъ института земскихъ начальниковъ значительно сократится дѣятельность нынѣшнихъ уѣздныхъ управленій; поэтому, казалось бы, можно было нѣсколько сократить штаты сихъ управленій; такъ можно сократить должность одного письмоводителя въ каждомъ управленіи. Такимъ образомъ еще освободится кредитъ свыше 10.000 р. Какъ эти деньги, такъ и остающіеся отъ закрытія должности участкого пристава 33.600 р., могутъ быть, въ облегченіе земскаго кредита, обращены на покрытіе этихъ новыхъ расходовъ.

Такимъ образомъ денежная сторона не представляетъ большаго затрудненія для разрѣшенія этого вопроса, да, казалось бы, что денежное затрудненіе, притомъ неособенно значительное, и не должно имѣть серьезнаго значенія въ такомъ важномъ дѣлѣ. Другое дѣло, личный составъ служащихъ по новому положенію: за неимѣніемъ въ краѣ мѣстнаго дворянскаго элемента, имущественный цензъ, требуемый Положеніемъ для внутренней Россіи, здѣсь долженъ быть устраненъ. Тѣмъ строже слѣдуетъ отнестись къ личнымъ качествамъ

служащихъ. Если отъ земскаго начальника внутри Россіи требуется, кромѣ имущественнаго, образовательный или служебный цензы, то здѣсь необходимы оба ценза—и высшее или среднее образованіе, и не менѣе какъ трехлѣтняя служба въ краѣ, примѣрно, на должностяхъ: мироваго судьи, товарища прокурора, помощника мироваго судьи, поземельно-податнаго инспектора, поземельно-податнаго коммисара, чиновника особыхъ порученій при губернаторѣ, помощника уѣзднаго начальника, участковаго пристава, дѣлопроизводителя областнаго правленія, секретаря областнаго суда, а также на соотвѣтствующихъ этихъ должностяхъ другихъ вѣдомствъ. Если встрѣтится затрудненіе въ замѣщеніи всѣхъ новыхъ должностей изъ состава служащихъ въ войскахъ и гражданскихъ учрежденіяхъ Туркестанскаго края, то, въ виду служебныхъ и матеріальныхъ преимуществъ, безъ сомнѣнія, вызовутся подходящіе охотники изъ внутренней Россіи.

Выше было сказано, что учрежденіе въ Туркестанскомъ краѣ института земскихъ начальниковъ потребуетъ пересмотра дѣйствующаго положенія въ духѣ новаго направленія. Пересмотръ этотъ вызывается, какъ необходимостью согласованія дѣйствующей организаціи управленія съ новымъ положеніемъ, такъ и необходимостью устраненія тѣхъ серьезныхъ и крупныхъ недостатковъ, той крайней неурядицы народнаго самоуправленія, на которое указано было выше. Теперь уже общее мнѣніе русскаго дѣльнаго общества, что выборное начало и обоснованное имъ самоуправленіе не по плечу нашимъ туземцамъ—это сознается и лучшими людьми изъ самихъ туземцевъ. Если

внутри Россіи подъ часъ не знаютъ, что дѣлать съ выборнымъ началомъ въ народномъ самоуправленіи, если тамъ даже, города и земства частенько не могутъ съ нимъ справиться безъ вреда дѣлу, то чего же ожидать отъ темныхъ и невѣжественныхъ полудикихъ азіатовъ). Много еще пройдетъ времени прежде, чѣмъ здѣшніе туземцы станутъ достаточно развиты для самоуправленія, а теперь 26-лѣтній опытъ показываетъ, что широкое и самостоятельное самоуправленіе не научило ихъ общественному порядку, не внушило имъ чувствъ законности и гражданскаго долга, а, напротивъ, развило въ нихъ самые дурные инстинкты и особенно стремленіе къ незаконной и темной наживѣ. Въ виду этого, весьма естественно выступаетъ безусловная необходимость реформировать управленіе населенія края.

Самоуправленіе, говоря вообще, величайшее благо; но если народъ мало развитъ и невѣжественъ, то широкое самоуправленіе становится для него великимъ зломъ: оно развиваетъ въ немъ преимущественно дурныя стороны и подъ эгидою его выростаетъ нравственно-худосочное, тщедушное, искалеченное поколѣніе. Напротивъ, если и малоразвитому народу дать самоуправленіе въ мѣру его развитія, то оно будетъ несомнѣннымъ и великимъ для него благодѣяніемъ. Какъ бы ни былъ мало развитъ народъ, у него найдется сторона или стороны его жизни, въ которой или въ которыхъ само общество разберется и устроится лучше, чѣмъ кто бы ни было другой мѣсто его. Если народъ недоразвитъ до политическаго самоуправленія, дайте ему гражданское, общественное; если онъ малоразвитъ и для этого, тогда

дайте ему только хозяйственное съ правительственной опекой, или безъ оной. Слѣдовательно, здѣсь какъ нельзя болѣе примѣнима поговорка: все во время и все въ мѣру.

На какой же степени развитія въ этомъ отношеніи стоятъ наши туземцы? Осѣдлые туземцы до нашего сюда прихода жили подъ деспотическимъ правленіемъ, общественнаго самоуправленія они не имѣли и, кромѣ общиннаго пользованія чаковою (общественною) землею, другихъ признаковъ общественности не проявляли. Кочевники жили родовымъ бытомъ въ патріархальной простотѣ и хотя проявляли нѣкоторые признаки общественности, какъ родовая солидарность, судъ біевъ, пользованіе кочевками и отчасти общественная баранта, но въ сущности они представляли лишь полудикую орду. Очевидно, наши туземцы еще не способны пользоваться самостоятельнымъ общественнымъ самоуправленіемъ; ихъ можно было поставить только на первую ступень гражданственности, предоставивъ имъ самимъ вѣдать и распоряжаться своими ближайшими хозяйственными дѣлами, да и то подъ нѣкоторой опекой правительственной власти. Тѣмъ не менѣе они съ 1868 года, слѣдовательно, уже 25 лѣтъ, фактически пользуются широкимъ самостоятельнымъ самоуправленіемъ безъ всякаго вмѣшательства и даже почти безъ надзора правительственной власти. По всей вѣроятности самоуправленіе не одни только дурные инстинкты вызвало и развило въ туземцахъ: весьма возможно, что оно научило ихъ чему нибудь и хорошему, хотя въ очень слабой, еще незамѣтной степени. Поэтому уничтоженіе ихъ самоуправленія явилось бы крутой ломкой

существующаго порядка и притомъ лишеніемъ туземцевъ права, которымъ они, хотя и съ плохой славой, пользовались 25 лѣтъ. Кромѣ того, это былъ-бы шагъ назадъ не вынужденный и не обоснованный серьезными и убѣдительными мотивами. Въ виду этого было бы осторожнѣе и полезнѣе, оставивъ туземцамъ самоуправленіе, упорядочить и установить его въ мѣру ихъ развитія, дабы оно могло служить спокойному и послѣдовательному развитію въ нихъ законности, гражданственности, порядка и благостоянія, а не напротивъ. Но для этого прежде всего нужно серьезно измѣнить нашу внутреннюю здѣсь политику, такъ сказать, упорядочить нашъ режимъ управленія туземцами. Придерживаясь попрежнему нашего великодушнаго, гуманнаго и справедливаго отношенія къ туземцамъ, благодаря которому они чувствуютъ себя довольными и счастливыми и въ своей семьѣ, и въ своихъ мечетяхъ, и на хлѣбопахатныхъ поляхъ, и въ дорогѣ, и на улицѣ—намъ необходимо измѣнить наше отношеніе къ ихъ общественной гражданской жизни. Намъ нужно сдать въ архивъ, по видимому великодушный, въ сущности же недальновидный и вредный принципъ невмѣшательства и замѣнить его самымъ внимательнымъ участіемъ къ ихъ общественной жизни и самымъ строгимъ контролемъ и руководительствомъ въ ихъ общественномъ самоуправленіи,—чтобы было анахронизмомъ *спокойное умываніе* начальствомъ *своихъ рукъ* предъ безобразіями и неурядицей общественнаго самоуправленія, и чтобъ власть чувствовалась и была видна во всѣхъ проявленіяхъ общественно-хозяйственной и публичной жизни туземцовъ.

подъ внимательнымъ и строгимъ контролемъ русской власти, тѣ же выборы туземцевъ на общественныя должности могутъ привести благотворные результаты, въ отношеніи какъ упорядоченія народнаго самоуправленія, такъ и въ отношеніи развитія въ туземцахъ гражданственности. Нужно только поставить дѣло такъ, чтобы туземцы были убѣждены, что неправильные выборы никоимъ образомъ не будутъ дѣйствительны, что ни подкупы, ни доносы, ни интриги и никакія подтасовки не помогутъ, чтобы они впередъ знали, что власть близко и сама все усмотритъ и узнаетъ—тогда они честнѣе и серьезнѣе будутъ относиться къ выборамъ должностныхъ лицъ и вообще къ общественнымъ дѣламъ. Подкупы, доносы партійныя вождѣленія и партійная борьба, какъ недостигающія цѣли и притомъ влекущіе за собой вредныя послѣдствія для самихъ дѣятелей и участниковъ—будутъ болѣе и болѣе ослабѣвать и исчезать со сцены выборовъ и всего самоуправленія. Въ замѣнъ ихъ, мало-по мало, они будутъ входить въ сознаніе необходимости радѣть и заботиться объ общемъ благѣ, въ нихъ болѣе и болѣе будутъ развиваться сознаніе и чувство гражданскаго дѣла, законности, и порядочности. Весьма важно не давать простора развиваться злу, устранять благопріятныя для него условія, а къ добру, при благомъ руководительствѣ власти, поведетъ сама натура и сама жизнь патріархально-простоватаго азіата.

По такимъ соображеніямъ, казалось бы слѣдуетъ обусловить общественные выборы примѣрно такими общими постановленіями:

1) выборы на общественныя должности про-

изводятся непремѣнно въ присутствіи и подъ надзоромъ русской власти, но русская власть въ производство выборовъ не вмѣшивается, а только наблюдаетъ за правильностію и порядкомъ съ правомъ, однако, явную открытую неправильность и открытый безпорядокъ устранять немедленно.

2) сельскимъ, или аульнымъ сходомъ всѣхъ домовладѣльцевъ, или юртовладѣльцевъ избираются общимъ голосованіемъ *сельскій старосты* или *юнбаши* (нынѣшній аульный старшина)—по одному на сельское общество, и *десятники* или *онбаши*—по одному на 10 домовъ (вмѣсто нынѣшнихъ пятидесятниковъ). Послѣдніе составляютъ волостной сходъ для выборовъ на общественныя должности волостнаго управленія и для обсужденія и рѣшенія общественныхъ, хозяйственныхъ и податныхъ дѣлъ по положенію, или по особому предложенію начальства. На сельскихъ сходахъ избираются и мирабы—арычные надзиратели, завѣдующіе второстепенными аросительными канавами. Впрочемъ правильнѣе выборы мирабовъ предоставить особому сходу хлѣбопашцевъ по каждому арыку. Сельскіе выборы назначаются, утверждаются и кассируются уѣзднымъ начальникомъ. Въ случаѣ же не утвержденія уѣзднымъ начальникомъ выбраннаго старосты и послѣ вторыхъ выборовъ, онъ назначаетъ на эту должность, самъ по представленію земскаго начальника.

3) Волостнымъ сходомъ десятниковъ избираются по три кандидата на должность волостнаго старшины (нынѣшняго волостнаго управителя), изъ коихъ губернаторъ одного назназаетъ на эту должность. Въ случаяхъ же неправильности выборовъ, или неблагонадежности, или неудовлет-

верительности избранныхъ волостнымъ сходомъ лицъ, губернаторъ кассируетъ выборы и предлагаетъ произвести новые. Въ случаѣ неудовлетворительности и этихъ выборовъ, онъ назначаетъ на должности волостнаго старшины и его кандидата лицъ, по представленію земскаго начальника. Этотъ же сходъ отдѣльно выбираетъ трехъ лицъ въ кандидаты волостнаго старшины, изъ коихъ губернаторъ и назначаетъ кандидата. Такимъ образомъ выйдетъ, что сходъ десятниковъ будетъ не избирать волостнаго старшину, а рекомендовать трехъ лучшихъ во всей волости лицъ на эту должность, а равно кандидата къ нему.

Такой порядокъ несомнѣнно послужитъ къ устраненію выборныхъ злоупотребленій и къ упорядоченію выборовъ. Пришлось бы подкупать уже не 20, а 100 избирателей и подкупать не одному, а троимъ, при полной неизвѣстности, кому изъ нихъ улыбнется счастіе. Но при этомъ необходимо строго соблюдать, чтобъ никакихъ постороннихъ лицъ на выборахъ не было.

При такомъ порядкѣ сельскій сходъ, въ числѣ 150—200 домовладѣльцевъ или юртовладѣльцевъ, будетъ избирать сельскаго старосту, арычныхъ надзирателей и десятниковъ. Очевидно здѣсь подкупы и другія выборныя злоупотребленія не разыграются—почва для того слаба. Сельскій староста (нынѣшній аульный старшина и кишлачный аксакалъ) должность не важная, чтобы для нея лѣзть на стѣну, и притомъ отвѣтственная и очень хлопотливая, чтобы состоятельному человѣку добиваться ея;—а необладающимъ большими средствами трудно подкупить 100—200 человѣкъ, да и русская власть стоитъ близко—узнаетъ и

всѣ хлопоты и затраты провалить· По всей вѣроятности выборныя страсти не особенно разгорятся на сельскихъ выборахъ.

На волостныхъ сходахъ избираются волостные старшины, (нынѣшніе волостные управители или городскіе аксакалы): вотъ здѣсь главнымъ образомъ и разыгрываются теперь выборныя страсти и интрига, здѣсь то и практикуются подкупы, подлоги, лжедоносы и нерѣдко насилія. Но если будутъ избирать не 20, а 100 избирателей, и не одного, а трехъ кандидатовъ на одну должность, тогда характеръ выборовъ круто измѣнится: выборная почва уже небудетъ благопріятна для подкуповъ, лжедоносовъ и интригъ, а строгое отношеніе къ выборамъ русской власти, сдѣлаетъ уже невозможнымъ проявленіе этихъ дурныхъ наклонностей. Тогда выборы будутъ служить гражданскому и экономическому развитію туземцевъ, а не порчѣ нравовъ и не раззоренію ихъ, какъ теперь. Но такое упорядоченіе выборовъ возможно будетъ лишь тогда, когда русская власть будетъ стоять близко къ дѣлу и будетъ властна и дѣятельна.

Что же касается до народныхъ судей, то казалось бы, цѣлесообразнѣе у осѣдлыхъ туземцевъ замѣщать эту должность не по выборамъ, а по назначенію русской власти; у кочевниковъ же соединить ее съ административною народною властію. Къ такимъ выводамъ приводятъ слѣдующія соображенія.

Всякій судъ имѣетъ весьма большое воспитательное значеніе. Строгій, но безпристрастный судъ смягчаетъ нравы, ослабляетъ порочныя наклонности и воспитываетъ общество въ духѣ за-

конности и гражданскаго долга; судъ пристрастный, слишкомъ снисходительный и особенно политикующій имѣетъ также весьма сильное, но обратное первому влiянiе—онъ поощряетъ дурныя страсти и развиваетъ противообщественныя и даже противогосударственныя наклонности. Особенно сильно влiянiе суда на простой невѣжественный народъ, съ благоговѣнiемъ слушающiй судью, какъ оракула, устами котораго говоритъ сама мудрость, самъ законъ, сама совѣсть и, не мудрствуя, принимающiй на вѣру его приговоры и рѣшенiя. Въ этомъ отношенiи, т. е. въ дѣлѣ воспитанiя простого народа, въ отношенiи нравственнаго на него воздѣйствiя, низшiе суды имѣютъ болѣе важное значенiе, чѣмъ суды высшiе, стоящiе далеко отъ народа. Поэтому, какъ торжество правды, порядка и добра на судѣ, такъ и торжество тамъ порока и своеволiя, неотразимо влiяютъ, каждое въ своемъ направленiи, на нравственное развитiе народа. Въ виду этого въ дѣлѣ назначенiя на должность судей требуется особенная осмотрительность и строгость въ выборѣ лицъ,—и едва ли, судя по опыту, можно признать цѣлесообразнымъ примѣнять въ этомъ дѣлѣ выборное начало, особенно въ средѣ темной и невѣжественной, гдѣ выборы почти неизбѣжно ведутъ къ безпощадной партiйной борьбѣ и къ развитiю въ народѣ дурныхъ страстей. По отношенiю же къ народнымъ судамъ Туркестанскаго края существуетъ еще другая, заслуживающая весьма серьезнаго, даже первенствующаго вниманiя, точка зрѣнiя. Конечная цѣль русскаго владычества въ Туркестанѣ и главнѣйшая наша здѣсь задача—не водворенiе только въ немъ спокойствiя, правды и порядка и не эконо-

мическое только его развитіе, а возможно полное соединеніе и ассимиляція края съ коренной Россіей, такъ сказать, воплощеніе въ немъ русскаго духа, русской гражданственности. Эта государственная идея должна окрашивать всякое наше мѣропріятіе по водворенію здѣсь мира, правды и порядка, ею долженъ быть проникнутъ нашъ режимъ, управленія и наша заботливость о развитіи края. И администрація, и судъ, словомъ, всякая правительственная власть, исполняя свое прямое назначеніе, должны неуклонно идти къ этой цѣли, ни на минуту не упуская ее изъ вида.

Прилагая этотъ принципъ къ устройству народнаго суда, надобно послѣдній поставить такъ, чтобы онъ не могъ оказывать никакого препятствія, никакого затрудненія и замедленія на нашемъ пути къ главной задачѣ. Возьмемъ сартовскій судъ. Основанный исключительно на шаріатѣ, проникнутый идеей строгаго мусульманства, судъ этотъ, по самой природѣ своей, не можетъ быть солидаренъ съ христіанскими воззрѣніями и съ установленными современной цивилизаціей взглядами. Поэтому, наряду съ другими мѣропріятіями въ дѣлѣ устраненія препятствій къ обрусенію края, будетъ весьма цѣлесообразнымъ вліять на личный составъ института казіевъ путемъ осторожнаго и предусмотрительнаго назначенія на эту должность соотвѣтствующихъ нашимъ требованіямъ лицъ. Въ ханскія времена казіи назначались правительственною властію по испытаніи въ необходимыхъ знаніяхъ мусульманскаго законовѣденія чрезъ свѣдущихъ лицъ, а также по рекомендаціи вліятельныхъ людей, или по личному непосредственному усмотрѣнію хана. Тогда отъ ка-

зія требовались основательное знаніе шаріата и примѣрная благочестивая жизнь; теперь для насъ нѣтъ основанія желать, чтобы казіемъ былъ непремѣнно мусульманскій законовѣдъ и ревнитель ислама. Теперь достаточно, чтобы казій былъ грамотенъ, обладалъ здравымъ смысломъ и доброй совѣстью и именно не былъ бы противникомъ русскаго дѣла и русскаго знамени. Что же касается до знанія своего закона, то шаріатъ сарты болѣе или менѣе знаютъ всѣ, особенно грамотные, такъ какъ жизнь ихъ и самое мышленіе всецѣло сложились по шаріату. Такимъ образомъ, какъ по доказанной опытомъ неспособности невѣжественной толпы избирать достойныхъ лицъ на такую важную и вліятельную должность, какъ казій, такъ и по существу и по духу обязанностей послѣдняго (непремѣнно строгаго поборника ислама), должность эта должна быть замѣщаема непремѣнно по назначенію власти. По всей вѣроятности, назначенія властью будутъ иногда неудачны; но, въ 1-хъ, неудача назначенія можетъ быть легче исправлена, чѣмъ неудача выборовъ; во 2-хъ, самое неудачное назначеніе будетъ благопріятнѣе для насъ, чѣмъ умышленное избраніе горячаго поборника ислама, каковаго русская власть сама уже, конечно, не изберетъ, и, въ 3-хъ, власть, сама назначающая казіевъ, будетъ въ глазахъ населенія сильнѣе и выше, чѣмъ власть только утверждающая выбранное самимъ населеніемъ лицо. Въ первые четыре годы управленія краемъ, до учрежденія генералъ-губернаторства, казіи назначались начальствомъ—и неудачныхъ назначеній не было. Для примѣра можно указать на назначеніе въ концѣ 1864 года казіемъ въ

Чимкентѣ сарта Календаръ-ходжи; онъ былъ полуграмотный человѣкъ (умѣлъ только читать), но человѣкъ разумный, смѣлый, энергичный и пользовался большимъ вліяніемъ на народъ. Благодарный за лестное для него назначеніе судьею, онъ былъ вполнѣ преданъ русской власти и въ смутныя времена нашествія кокандцевъ на городъ Туркестанъ, въ началѣ декабря 1864 г., во время осады Ташкента и въ первый Джизакскій походъ, оказалъ намъ громадныя услуги. Притомъ онъ былъ и хорошій судья. Правда онъ не строго держался шаріата, но отъ этого никто ничего не терялъ. Пользуясь громаднымъ вліяніемъ на недавно покоренный народъ, мѣстная русская власть, не въ устраненіе шаріата, но въ нѣкоторое ослабленіе его вліянія временно установила, чтобы казій разбиралъ и рѣшалъ дѣла совмѣстно съ двумя посторонними (халысъ) сартами изъ лицъ наиболѣе уважаемыхъ въ городѣ. Судъ этотъ руководствовался, кромѣ шаріата, житейскимъ опытомъ, здравымъ смысломъ и доброй совѣстью и производился по возможности въ присутствіи русскаго начальника. Такимъ образомъ шаріатъ незамѣтно, безъ шума, стушевывался и вліяніе его слабѣло. Такъ дѣло продолжалось около трехъ лѣтъ, а затѣмъ были введены нынѣшніе самостоятельные и независимые отъ администраціи народные суды,—и попытка внести въ казуистическій мусульманскій судъ жизненный свѣтъ и житейскую правду исчезла безъ слѣда. Будетъ, однако, нелишнимъ имѣть въ виду эту попытку при переустройствѣ нынѣшнихъ народныхъ судовъ въ Туркестанѣ.

Реформированіе сартовскаго суда, конечно,

бы туземцы знали, что и самый малый чинъ, какъ десятникъ или стражникъ, есть представитель власти, охраняющей частные и казенные интересы, и потому пользуется особымъ покровительствомъ закона. Такимъ образомъ образованіе народныхъ судовъ въ одной инстанціи въ предѣлахъ компетенціи нашихъ волостныхъ судовъ и подъ бдительнымъ надзоромъ русской власти не должно встрѣтить въ этомъ отношеніи никакого препятствія.

Такъ какъ народный судъ предполагается въ одной инстанціи, то, въ прямое этому послѣдствіе, судъ этотъ долженъ быть безъ апелляціоннымъ, ибо апелляціонный судъ, разсматривающій дѣла по существу, долженъ разрѣшать иго на основаніи тѣхъ же законовъ и обычаевъ, которыми руководствовался судъ первой инстанціи. Но русскій судъ, куда только и могло бы поступить дѣло по апелляціонной жалобѣ на рѣшеніе народнаго суда, какъ это установлено для русскихъ волостныхъ судовъ,—не можетъ руководствоваться ни законами, ни обычаями ихъ, по грубости и несоотвѣтствію ихъ взглядамъ и направленію нашего законодательства. Такъ, напримѣръ: 1) киргизка послѣ смерти своего мужа, какъ вещь, какъ часть имущества, должна перейти по наслѣдству къ его старшему брату. Она не соглашается на это по старости, уродству или бѣдности наслѣдователя, или почему либо иному и уходитъ къ своимъ родителямъ. Дѣло доходитъ до суда, который присуждаетъ ее, противъ ее воли, какъ вещь, истцу-наслѣдователю и обязываетъ ее быть его женой. Она обжалуетъ это рѣшеніе,—и русскій судъ, рѣшая дѣло по существу, не могъ бы по русскому

не ограничится однимъ назначеніемъ народныхъ судей: по всей вѣроятности будутъ затронуты организація и компетенція народнаго суда. Выше было уже сказано, что компетенція народныхъ судовъ слишкомъ велика—не по разуму людей темной среды, односторонне притомъ воспитанныхъ въ духѣ узкихъ воззрѣній мусульманской нетерпимости. Какъ въ интересахъ правосудія, такъ и по изложеннымъ выше соображеніямъ, необходимо съузить предѣлы власти народныхъ судовъ и измѣнить ихъ организацію. Попытаемся указать на нѣсколько общихъ положеній, которыхъ, казалось бы. слѣдуетъ держаться при реформированіи народныхъ судовъ.

Прежде всего нужно измѣнить организацію народныхъ судовъ. Намъ кажется, что слѣдуетъ установить народные суды изъ единоличныхъ судей и въ одной инстанціи, а существующіе нынѣ съѣзды народныхъ судей упразднить. Такая организація, по нашему убѣжденію, будетъ вполнѣ цѣлесообразна и не встрѣтитъ никакихъ неудобствъ и затрудненій. Народные суды въ ханскіе времена и въ первые четыре года нашего владычества въ Туркестанѣ были въ одной инстанціи. Судъ производился большею частію однимъ казіемъ или однимъ біемъ, но въ болѣе важныхъ и серьезныхъ дѣлахъ истцы, или обѣ стороны, приглашали по нѣсколько біевъ, или казіевъ. Этотъ послѣдній судъ ни по объему власти и вѣдомства, ни въ процессуальномъ отношеніи ничѣмъ не отличался отъ единоличнаго суда,—только былъ торжественнѣе, внушительнѣе и потому въ глазахъ народа авторитетнѣе. Какъ единоличный судъ, такъ и судъ, состоящій изъ нѣсколько судей,

рѣшалъ всякое дѣло окончательно и безъапелляціонно. Случалось иногда, что рѣшеніе казія по ривойяту ученыхъ муллъ, муфтіевъ и аглямовъ и отмѣнялось какимъ нибудь казыкаляномъ (старшимъ казіемъ извѣстнаго района), но только потому, что представленнымъ недовольною стороною ривойятомъ было установлено неправильное разбирательство или несогласное съ шаріатомъ рѣшеніе; но такіе случаи были очень рѣдки. По проэкту Положенія 1867 года народный судъ былъ организованъ въ двухъ инстанціяхъ, единоличный и коллегіальный,—и съ тѣхъ поръ онъ дѣйствуетъ въ такомъ видѣ по настоящее время. Выше было упомянуто, что такая организація не оправдала себя; вторая инстанція—съѣздъ народныхъ судей—оказалась крайне неудачнымъ и рѣшительно непригоднымъ учрежденіемъ: администрація не имѣетъ къ этому учрежденію ни малѣйшаго довѣрія, а туземцы относятся къ нему съ полнымъ пренебреженіемъ. Въ виду этого упраздненіе второй инстанціи народнаго суда и установленіе его въ одной инстанціи, какъ было прежде, будетъ встрѣчено со стороны туземнаго населенія сочувственно. Остается разрѣшить вопросъ, не встрѣтится ли къ этому препятствій со стороны отправленія правосудія, т. е. можно ли предоставить единоличному суду туземцевъ весь объемъ власти, всю компетенцію нынѣ дѣйствующаго народнаго суда, или нужно, вмѣсто съѣзда народныхъ судей, создать что либо его замѣняющее.

Выше было замѣчено, что еще въ 70-хъ годахъ администрація края пришла къ убѣжденію, что компетенція и прерогативы народныхъ судовъ

чрезмѣрно велики и имъ непосильны. Къ сожалѣнію, при составленіи нынѣ дѣйствующаго Положенія не было принято во вниманіе это указаніе опыта и предѣлы власти народныхъ судовъ не только не были съужены, но еще увеличены, ибо они стали независимыми и самостоятельными, а въ гражданскихъ дѣлахъ полновластными на всякую сумму. Новѣйшая послѣреформенная практика народныхъ судовъ только подтвердила выводы прежней администраціи и окончательно убѣдила русскую власть въ полной несоразмѣрности интеллектуальныхъ силъ народныхъ судовъ съ широтой предоставленной имъ власти и въ положительной преждевременности для нихъ вполнѣ самостоятельной дѣятельности. Такимъ образомъ опытъ убѣдительно свидѣтельствуетъ о невозможности предоставлять народнымъ судамъ, при новомъ ихъ реформированіи, тѣхъ же правъ и преимуществъ, какими они пользуются нынѣ и о необходимости, по возможности, болѣе съузить ихъ власть и кругъ дѣятельности.

Въ виду такихъ данныхъ и въ виду уровня интеллектуальнаго и соціальнаго развитія туземцевъ, является наиболѣе соотвѣтственнымъ приравнять народные суды по правамъ и обязанностямъ къ русскимъ волостнымъ судамъ. Хотя, по нашему предположенію, здѣшніе народные суды должны быть единоличные, слѣдовательно, съ меньшей юрисдикціей, чѣмъ наши волостные суды, какъ учрежденія коллегіальныя, но, принимая во вниманіе, во 1-хъ, что рѣзко отличительная особенность и своеобразность быта, понятій правъ и обычаевъ туземцевъ, въ которыхъ русскій судья сразу не разберется и несомнѣнно по-

чувствуетъ себя совершенно чуждымъ темной суевѣрной средѣ,—говорятъ въ пользу того, чтобы суды народные, не выходя изъ сферы народныхъ понятій, правъ и обычаевъ, обладали бы достаточной самостоятельностію и охватывали бы возможно большій кругъ правоотношеній частныхъ и общественныхъ, и, во 2-хъ, что чѣмъ болѣе будутъ ограничены предѣлы власти и вѣдомства народныхъ судовъ, тѣмъ болѣе должна быть расширена юрисдикція русскаго суда, что поведетъ къ большему его здѣсь развитію, а это потребуетъ и большей затраты денежныхъ средствъ и большаго призыва образованныхъ и опытныхъ чиновниковъ, въ которыхъ между тѣмъ чувствуется не только потребность, но даже недостатокъ во всѣхъ вѣдомствахъ. Въ виду изложеннаго будетъ цѣлесообразнѣе вполнѣ приравнять народные суды къ русскимъ волостнымъ судамъ. Мы даже полагали бы возможнымъ и полезнымъ, по выше изложеннымъ мотивамъ, нѣсколько расширить компетенцію ихъ по гражданскимъ дѣламъ, увеличивъ подсудность цѣною иска до 500 р. Это, между прочимъ, будетъ полезно и въ томъ отношеніи, что на долю русскаго суда останется уже незначительное количество гражданскихъ дѣлъ между туземцами одной народности и земскій начальникъ не будетъ обремененъ ими. Въ отношеніи же уголовныхъ дѣлъ полагалось бы возможнымъ вполнѣ приравнять народные суды къ волостнымъ судамъ; но при этомъ слѣдуетъ изъять изъ вѣдомства ихъ всѣ дѣла о неисполненіи требованій туземныхъ полицейскихъ чиновъ, стражниковъ и сельскихъ начальниковъ и объ оскорбленіи ихъ и подчинить эти дѣла русскому суду. Это нужно для того, что-

бы туземцы знали, что и самый малый чинъ, какъ десятникъ или стражникъ, есть представитель власти, охраняющей частные и казенные интересы, и потому пользуется особымъ покровительствомъ закона. Такимъ образомъ образованіе народныхъ судовъ въ одной инстанціи въ предѣлахъ компетенціи нашихъ волостныхъ судовъ и подъ бдительнымъ надзоромъ русской власти не должно встрѣтить въ этомъ отношеніи никакого препятствія.

Такъ какъ народный судъ предполагается въ одной инстанціи, то, въ прямое этому послѣдствіе, судъ этотъ долженъ быть безъ апелляціоннымъ, ибо апелляціонный судъ, разсматривающій дѣла по существу, долженъ разрѣшать иго на основаніи тѣхъ же законовъ и обычаевъ, которыми руководствовался судъ первой инстанціи. Но русскій судъ, куда только и могло бы поступить дѣло по апелляціонной жалобѣ на рѣшеніе народнаго суда, какъ это установлено для русскихъ волостныхъ судовъ,—не можетъ руководствоваться ни законами, ни обычаями ихъ, по грубости и несоотвѣтствію ихъ взглядамъ и направленію нашего законодательства. Такъ, напримѣръ: 1) киргизка послѣ смерти своего мужа, какъ вещь, какъ часть имущества, должна перейти по наслѣдству къ его старшему брату. Она не соглашается на это по старости, уродству или бѣдности наслѣдователя, или почему либо иному и уходитъ къ своимъ родителямъ. Дѣло доходитъ до суда, который присуждаетъ ее, противъ ее воли, какъ вещь, истцу-наслѣдователю и обязываетъ ее быть его женой. Она обжалуетъ это рѣшеніе,—и русскій судъ, рѣшая дѣло по существу, не могъ бы по-русскому

закону утвердить этого рѣшенія, хотя оно по киргизскому адату постановлено правильно; или, 2) киргизъ взыскиваетъ обѣщанное отвѣтчикомъ *суюнчи* (подарокъ за хорошее извѣстіе), или обыкновенный долгъ, и, не имѣя въ подтвержденіе иска ни документа, ни свидѣтелей, отдаетъ дѣло, по обычаю, на присягу третьихъ лицъ, родственниковъ отвѣтчика; послѣдніе почему либо не соглашаются принять за него (отвѣтчика) присягу— и судъ рѣшаетъ дѣло въ пользу истца. Разсмотрѣвъ дѣло по жалобѣ отвѣтчика въ апелляціонномъ порядкѣ, русскій судъ, въ виду положительной бездоказательности иска, не могъ бы утвердить рѣшенія народнаго судьи, хотя оно по киргизскому обычаю правильно, и пр.

Такимъ образомъ русскіе суды не могутъ быть апелляціонной инстанціей для народныхъ судовъ. Учреждать же для этого вторую инстанцію народнаго суда не вызывается, какъ выше говорено, дѣйствительной въ томъ надобностью, такъ какъ рѣшеніе казія, постановленное по шаріату, не можетъ быть перерѣшаемо—оно можетъ быть только кассируемо за несоблюденіемъ установленныхъ шаріатомъ обрядностей и формъ, но такіе случаи встрѣчаются очень рѣдко. Между тѣмъ учрежденіе второй инстанціи народнаго суда создастъ въ средѣ туземцевъ нежелательную для насъ моральную силу—помѣстные ареопаги мусульманскихъ законовѣдовъ, которые могутъ явиться внушительнѣе и авторитетнѣе единоличнаго судьи. Что же касается до суда киргизовъ, то у нихъ всѣ дѣла, даже самыя незначительныя, рѣшаются публично, въ толпѣ, съ участіемъ лучшихъ людей—и вторая инстанція не придаетъ, какъ и въ сартовскомъ

судѣ, большаго авторитета судебнымъ рѣшеніемъ и не представитъ никакой гарантіи въ ихъ справедливости. Наконецъ, вторая инстанція, если не усиливаетъ, то и нисколько не ослабляетъ наклонности судей къ лихоимству и всевозможнымъ злоупотребленіямъ, въ чемъ достаточно убѣждаетъ 25-лѣтній опытъ.

Въ виду такихъ данныхъ и соображеній слѣдовало бы установить, что всѣ дѣла, подвѣдомственныя народному суду разрѣшаются имъ безапелляціонно: изъ нихъ дѣла незначительныя,—положимъ, по цѣнѣ не свыше 20 рублей, и по мѣрѣ наказанія—арестъ не свыше недѣли,—считаются рѣшенными окончательно и обжалованію не подлежатъ, а рѣшеніе приводится въ исполненіе немедленно; остальныя дѣла, по жалобѣ недовольной стороны, представляются земскому начальнику на ревизію и рѣшенія по нимъ въ исполненіе не приводятся, если жалоба подана въ срокъ. По жалобамъ на рѣшенія судей земскій начальникъ, въ назначенное время и въ извѣстномъ мѣстѣ, разсматриваетъ по книгамъ судебныхъ рѣшеній протоколы разбирательства обжалованныхъ дѣлъ и, если нужно, для провѣрки протоколовъ переспрашиваетъ тяжущихся и даже свидѣтелей. Усмотрѣвъ, что дѣло рѣшено съ нарушеніемъ основныхъ требованій всякаго судопроизводства, напримѣръ, безъ вызова отвѣтчика, безъ спроса указанныхъ свидѣтелей, или вопреки имѣющимся въ дѣлѣ доказательствамъ при отсутствіи другихъ имъ противоположныхъ и т. п.—земскій начальникъ отмѣняетъ обжалованное рѣшеніе и передаетъ дѣло другому, ближайшему по мѣсту жительства отвѣтчика судьѣ на новое разбиратель-

ство. Если же земскій начальникъ не усмотритъ подобныхъ нарушеній судопроизводства, то оставляетъ жалобу безъ послѣдствій. На такія дѣйствія и распоряженія земскаго начальника недовольные могутъ подавать черезъ него же, въ установленный срокъ, жалобы въ уѣздный съѣздъ. При детальной разработкѣ вопроса, конечно, будетъ подробно и точно установленъ порядокъ судопроизводства въ народныхъ судахъ.

Затѣмъ всѣ дѣла туземцевъ, неподвѣдомственныя народнымъ судамъ, подсудны земскимъ начальникамъ, которые принимаютъ ихъ или на мировое разбирательство, или къ производству судебнаго, или предварительнаго слѣдствія. На это можетъ послѣдовать возраженіе, что въ такомъ случаѣ земскому начальнику приведется разрѣшать иски, основанные на документахъ, неподписанныхъ отвѣтчиками, съ одними ихъ печатями или тамгами и оспариваемые ими, или основанные на словесныхъ сдѣлкахъ, когда по закону требуется письменное условіе, или неподтверждаемые никакими доказательствами и разрѣшаемые народными судами по обычаю, или по шаріату очистительною присягою отвѣтчика или третьихъ лицъ,—и въ этихъ случаяхъ земскій начальникъ, по бездоказательности, долженъ будетъ въ искахъ отказывать, хотя по обычаю и шаріату они не могутъ считаться бездоказательными. Но туземцы теперь уже хорошо освоились съ векселями и явочными актами и патріархальная простота правоотношеній въ болѣе или менѣе крупныхъ имущественныхъ сдѣлкахъ почти совсѣмъ вывелась между ними. Теперь почти всюду, а особенно въ городахъ, туземцы оформливаютъ свои крупные

имущественныя сдѣлки, особенно на сумму свыше 500 р. векселями или явочными актами у нотаріусовъ, мировыхъ судей, казіевъ и біевъ. Простота имущественныхъ сношеній практикуется туземцами попрежнему только въ мелкихъ сдѣлкахъ, которыя ведутся на-слово или подъ росписку съ приложеніемъ печати или тамги, но всѣ такія сдѣлки, развѣ за самымъ ничтожнымъ исключеніемъ, не переступаютъ суммы, опредѣляющей подсудность дѣлъ, и подвѣдомственны народному суду, гдѣ онѣ будутъ разбираться по шаріату или адату.

Но если бы признано было нужнымъ и для предполагаемаго ничтожнаго количества крупныхъ сдѣлокъ, неимѣющихъ за себя законныхъ доказательствъ, установить судебное разбирательство, примѣняясь къ обычаямъ страны, то можно или предоставить законодательнымъ порядкомъ земскому начальнику право руководствоваться въ подобныхъ случаяхъ наряду съ закономъ и мѣстными обычаями, или учредить для этого узаконенный третейскій судъ изъ одного народнаго судьи и двухъ посторонниxъ лицъ по выбору сторонъ. Во всякомъ случаѣ это обстоятельство не можетъ представить затрудненія къ установленію проэктируемаго порядка судопроизводства въ народныхъ судахъ.

Земскій начальникъ разрѣшаетъ поступившія къ нему дѣла по судебнымъ уставамъ и жалобы на его рѣшенія и распоряженія подаются въ уѣздный съѣздъ.

Обратимся теперь къ устройству киргизскаго суда. Выше было высказано, что права и обязанности судить и рядить, чинить судъ и расправу

между киргизами слѣдуетъ соединить въ одномъ лицѣ. Такимъ образомъ административная и судебная власти у кочевниковъ соединятся въ лицѣ аульныхъ старостъ и волостныхъ старшинъ: каждый аульный староста будетъ и біемъ своего аула и каждый волостной старшина будетъ и почетнымъ или старшимъ біемъ своей волости. Такой порядокъ вполнѣ отвѣчалъ бы традиціямъ, понятіямъ и обычаямъ киргизовъ. Въ ханскія времена и въ первые четыре года нашего владычества каждый родъ, каждое отдѣленіе и подъ-отдѣленіе рода имѣли своего бія, который управлялъ ими и судилъ ихъ наряду съ избираемыми на каждый случай біями. Порядокъ этотъ установился родовой и кочевой жизнью киргизовъ съ незапамятныхъ временъ и всего лучше отвѣчаетъ условіямъ ихъ патріархальнаго быта. По ихъ понятіямъ, власть недѣлима и властна судить и рядить—и такую власть они почитаютъ и ей вполнѣ повинуются. Разрозненныя власти не могутъ быть понятны имъ и, конечно, не могутъ представлять для нихъ такой авторитетной силы, какую имѣетъ власть единая и нераздѣльная. Если внутри Россіи признано нужнымъ, для усиленія правительственной власти въ народной средѣ, соединить воедино административную и судебную власти, то тѣмъ паче это нужно въ средѣ патріархальной простоты кочевниковъ. Аульный староста, онъ же и бій, будетъ властнымъ лицомъ, сильнымъ и способнымъ блюсти порядокъ и спокойствіе въ своемъ районѣ, будетъ истиннымъ главой своего аула, пользующимся почитаніемъ и полнымъ повиновеніемъ, чего нѣтъ и быть не можетъ, пока въ аулѣ двѣ власти, другъ другу противодѣйствующія и

другъ друга ослабляющія. Для кочеваго бродячаго общества безусловно необходима власть единая и авторитетная,—иначе ордой, оно будетъ безпорядочной, бродячей, малоспособной къ развитію и прогрессу. Тоже самое слѣдуетъ сказать о волостномъ старшинѣ: сосредоточенная въ его лицѣ правительственная власть дастъ ему силу, авторитетъ и уваженіе всей волости.

Казалось бы, такой порядокъ былъ удобенъ и полезенъ для всякаго племени, для всякаго народа, недостигшаго той степени общественнаго и соціальнаго развитія, когда въ пору ему будетъ не только хозяйственное, но и общественное самоуправленіе. Но къ нашему сартовскому, какъ и ко всякому мусульманскому населенію, воспитанному строго въ духѣ ислама, нельзя примѣнять такого порядка, во 1-хъ, потому, что онъ не отвѣчаетъ понятіямъ и традиціямъ мусульманъ, у которыхъ казій никогда и нигдѣ не былъ въ одно время и судьей и аксакаломъ-администраторомъ, во 2-хъ, соединеніе въ одномъ лицѣ судебной и административной власти въ средѣ сартовъ придало бы этой соединенной власти непремѣнно теократическій характеръ, такъ какъ въ лицѣ-ли казія будетъ соединена разрозненная правительственная власть и онъ будетъ и аксакаломъ, или въ лицѣ аксакала, который станетъ и казіемъ, во всякомъ случаѣ лицо, отправляющее по шаріату правосудіе, всецѣло подчинится вліянію шаріата и духу ислама. Такимъ образомъ, какъ въ видахъ гуманности и цивилизаціи, такъ и въ интересахъ нашего здѣсь владычества,—порядокъ соединенія административной и судебной властей не можетъ быть примѣнимъ къ средѣ осѣдлыхъ туземцевъ

Туркестана,—развѣ подъ условіемъ полнаго устраненія шаріата отъ туземнаго самоуправленія какъ судебнаго. такъ и административнаго. Но такой крутой радикальный переворотъ былъ бы теперь по меньшей мѣрѣ преждевременъ.

Обратимся опять къ устройству киргизскаго суда. Образованный такимъ образомъ, какъ сказано выше, киргизскій судъ будетъ дѣйствовать по своему адату. Аульный бій, онъ же и аульный старшина, есть судья оффиціальный, избираемый аульнымъ сходомъ домовладѣльцевъ, но наряду съ нимъ будутъ дѣйствовать и біи неоффиціальные, неимѣющіе правительственной печати и избираемые на каждый случай тяжущимися сторонами. Рѣшеніе оффиціальнаго бія заносится въ установленную для того бійскую книгу и подлежитъ обжалованію земскому начальнику, какъ выше изложено; рѣшеніе же бія, избраннаго самими тяжущимися, окончательно и обжалованію не подлежитъ.

Въ виду того, что волостной старшина, какъ бій, не имѣетъ своего опредѣленнаго района, слѣдуетъ выяснить и точнѣе опредѣлить его положеніе, какъ бія. Какъ почетный или старшій бій, онъ станетъ біемъ всей волости для тѣхъ дѣлъ, коихъ обѣ тяжущіяся стороны добровольно явятся къ нему на разбирательство, или которыя земскій начальникъ передастъ на его разбирательство, или, наконецъ, для дѣлъ о правонарушеніяхъ, когда онъ будетъ ихъ очевидцемъ, или будетъ на мѣстѣ ихъ совершенія въ отсутствіе мѣстнаго бія. Такихъ дѣлъ будетъ немало, особенно дѣлъ по порученію земскаго начальника,—и эти послѣднія будутъ наиболѣе серьезныя и важныя дѣла волости.

Въ числѣ ихъ будутъ дѣла кассированныя земскимъ начальникомъ, дѣла брачныя, опекунскія и по раздѣлу имуществъ на сумму свыше 500 руб. Наконецъ председательствованіе въ указанномъ третейскомъ судѣ, если только будетъ признано возможнымъ и нужнымъ установить таковой, будетъ также обязанностью волостнаго старшины. Такой порядокъ не только не встрѣтитъ какого либо затрудненія на практикѣ, но и будетъ вполнѣ отвѣчать быту и общественному строю киргизовъ. Такимъ образомъ волостной старшина, какъ бій, займетъ почетное и выдающееся положеніе и будетъ весьма существеннымъ дополненіемъ организаціи киргизскаго суда.

При детальной разработкѣ вопроса объ устройствѣ народныхъ судовъ въ краѣ, по всестороннемъ разъясненіи и освѣщеніи его, вѣроятно, приведется многимъ дополнить этотъ общій и поверхностный очеркъ, а, можетъ быть, и измѣнить. Вопросъ находится еще въ положеніи изученія, а не разрѣшенія; поэтому всякія послѣдующія возраженія, разъясненія и дополненія могутъ быть только полезны дѣлу, и потому весьма желательны.

При пересмотрѣ положенія о народныхъ судахъ необходимо возбудить вопросъ о составленіи кодекса киргизскаго обычнаго права. У сартовъ есть положительный законъ—ихъ священный шаріатъ. Касаться его теперь, по крайней мѣрѣ, преждевременно и нѣтъ никакой надобности. Киргизское же обычное право необходимо привести въ извѣстность, въ порядокъ, въ систему и очистить отъ разныхъ варварскихъ обычаевъ, съ которыми чувство гуманности и правды примириться

не можетъ, какъ напримѣръ; унаслѣдованіе старшимъ братомъ умершаго киргиза вдовы его противъ ея воли. Обычное право киргизъ не велико и не сложно, но недостаточно точно и устойчиво, такъ что въ разныхъ мѣстахъ громадной киргизской степи функціонируютъ разныя варіаціи и уклоненія. Несмотря на многолѣтне энергичное проникновеніе мусульманства въ киргизскій міръ, міръ этотъ все еще tabula rasa. Давно пора была намъ принять въ отношеніи киргизовъ активную внутреннюю политику, а не держаться пресловутаго невмѣшательства. Чтобъ не упускать золотого времени и не давать болѣе укореняться мусульманству на дѣвственной еще почвѣ кочевниковъ, намъ необходимо теперь же, не медля, энергично приняться за это дѣло. Подходящими законоположеніями, обязатеньными и для суда, и для управленія и общественной жизни киргизовъ, мы можемъ осторожно и послѣдовательно вытѣснять изъ понятій и жизни киргизовъ мусульманскія міровозрѣнія и вводить наши идеи, отвѣчающія гуманности, правдѣ и нашимъ государственнымъ началамъ, Покойный К. П. Кауфманъ, задаваясь такою цѣлію, поручилъ одному изъ чиновниковъ собрать матеріалъ для составленія киргизскаго адата, привести его въ систему и составить кодексъ обычнаго права киргизовъ. Дѣло это велось три или четыре года, но гдѣ теперь этотъ матеріалъ, обработанъ-ли онъ и представленъ-ли по принадлежности—неизвѣстно, а съ того времени прошло уже около 12-ти лѣтъ. Надо надѣяться,, что матеріалъ этотъ не затерянъ и пригодится для дѣла. Такимъ образомъ начало уже сдѣлано, нужно только его продолжать и

осуществить благое начинаніе покойнаго Константина Петровича.

Заканчивая эти легкія замѣтки по вопросу о примѣненію къ Туркестанскому краю „Положенія о земскихъ начальникахъ“ и о соотвѣтствующихъ измѣненіяхъ и дополненіяхъ въ дѣйствующемъ нынѣ въ краѣ Положеніи, мы будемъ довольны, если нашъ трудъ не пропадетъ безслѣдно и принесетъ хоть нѣкоторую пользу дѣлу.

Ю. Южаковъ.

